

НАРОДЫ ОТОСТЯТ МИР! ГОВОРЯТ СОВЕТСКИЕ ЛЮДИ

побывали в эти дни в Белгороде, с именем которого связано одно из великих страшений Великой Отечественной войны, и беседовали со многими местными жителями. Ниже мы приводим мнение белгородцев о предстоящем сборе подписей против подготовки атомной войны.

В Белгороде нас привлекло название новой улицы, построенной после войны — Проспект Мира.

Что думают об Обращении Всемирного Совета Мира люди с Проспекта Мира? Мы зашли в одну из квартир дома № 7 — к Татьяне Васильевне Хайнцовой и объяснили цель своего посещения.

В небольшой квартире чисто и уютно. Обычная обстановка: диван, буфет, шелковый абакур, полатосый коврик, радиоприемник под вязаной салфеткой, швейная машина. Необычно, может быть, только одно, — такого количества ребятских, что стоят около матери, с любопытством поглядывая на нас, хватило бы на коммунальную квартиру средней величины: две девочки и три мальчика.

— А двое старших, — говорит нам мать, показывая фотографию, — уже встали на ноги: Виктор учится в техникуме, Александр с женой в Алтайском крае, на целине. За всех у меня сердце болит, как у каждой матери...

Конечно, мы с Иваном Исифовичем поставим подписи против атомной войны! Будь она трижды проклята!

Мы вышли из дома. В конце Проспекта Мира виднелись Башенные краны. В воздухе плыли контейнеры с кирпичом. На строительной площадке штабелями лежали железобетонные плиты. Одно здание — го- стиницы — было поведено под крышу. За ним, на скло- не холма, каменщики выкла- дывали стены Дома Советов.

Разговор с Егором Мака- ровым, каменщиком на строительстве Дома Советов, был короток:

— Видели это здание? — спросил Егор Макаров. — А эту улицу? — показал он на Проспект Мира...

Мы стояли на верхней площадке. Дует ветер. Па- норама города была освеще- на по-весеннему ярким солнцем. Мы вспомнили: Проспект Мира — он лежал перед нами — построен на том месте, где в день освобо- ждения Белгорода от гитлеровцев остались лишь горящие руины.

— А видите те новые до- ма, вам, так, за шоссе? — продолжал Егор Макаров. — Видим, — ответили мы.

— Так вот, — сказал каменщик, — я строил почти все эти новые дома. Мы ра- ботаем для мирной жизни.

Так и запишите — мы все подпишем Обращение...

— Вот как надо крепить дело мира! — сказал нам ра- ботник дорожной милиции Белгородского участка ав- тостроды Москва — Симфе- рополь комсомолец Семен Павлович Моголеуц.

Мы засняли его на авто- страде Москва — Симфе- рополь, проходящей через Белгород. Асфальтовая до- рога спускается с холма и по окраине города уходит дальше на юг, к Харьковку.

По автострасе мы ехали на цементный завод, когда наш «Москвич» вдруг остано- вился: младший лейтенант милиции поднял свой черно-белый жезл. Путь был закрыт: с холма по авто- страде спускалась колонна тяжелых машин. Многогони- ные самосвалы с ревом проносились мимо нашего либульта — «Москвича».

Младший лейтенант под- ехал к нашей машине:

— Вот сила! — сказал он, с восхищением показывая на самосвалы.

— В Крым пошли! — спра- сил наш шофер.

— На стройку, — сказал младший лейтенант. — Класс- ная машина. Ось яка тяже- лая промышленность!

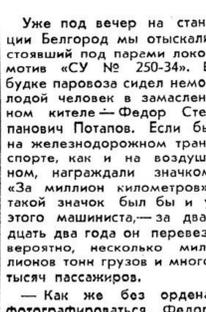
Потом мы поехали даль- ше по автострасе на це- ментный завод. В цехе раз- мольа грохотали огромные барабаны мельницы. Прихо- дилось почти кричать.

Вот что ответил нам ма- шинист мельницы Алексей Михайлович Ещенко, быв- ший минер, кавалер ордена Славы, сержант запаса:

— А что с Гитлером ста- ло, они забыли? Тоже мно- го горючили. Усмирят их народы...

Уже под вечер на стан- ции Белгород мы отыскали стоявший под парами локомотив «СУ № 250-34». В будке паровоза сидел молодой человек в замаслен- ном ките — Федор Сте- панович Потапов. Если бы на железнодорожном транс- порте, как и на воздуш- ном, награждали значком «За миллион километров», был бы и у этого машиниста, — за два- дцать два года он перевез, вероятно, несколько милли- онов тонн грузов и много тысяч пассажиров.

— Как же без ордена фотографироваться, Федор

— Как же без ордена фотографироваться, Федор

Менее двух недель осталось до начала сбора в нашей стране подписей под Обращением Всемирного Совета Мира. Наши корреспонденты

Степанович! — спросил его помощник.

— Орден у меня за прош- лое, — сказал Потапов. — А мы с товарищами говорим о будущем. Чего требуют от нас правила движения? Всегда зорко смотри вперед, машинист! В общем...

— В общем, я так ду- маю: атомной войне — крас- ный сигнал! А миру — зеле- ную улицу!

Издали донесся нара- стающий паровозный гудок. Мы затормозили к вокзалу. Перрон был забит до отказа. Над толпой колыха- лось красное полотнище: «Привет белгородским ком- сомольцам, уезжающим на целинные земли!». Мы по- дошли к двум парням с че- моданами — братьям Ни- колаю и Василию Онщенко.

Вокруг нас сразу со- собрался тесный кружок мо- лодцов.

— Подписи мы, конечно, поставим под Обращением. Это наш комсомольский дол- г, — сказал Николай и тут же спросил:

— Ты в военное и взрослые и дети ра- ботали по двенадцати, а зачастую и по че- тырнадцать часов в сутки; когда моему отцу исполнилось пятнадцать лет, он на- чинал в «потогонную» мастерскую и тру- дился там с семи утра до восьми вечера. Он принадлежал к тому поколению рабо- чего люда, кому смех и веселье даются с трудом. Я никогда не забуду, каким сча- стливым волнением озарилось его лицо, когда он смеялся, — словно солнечный свет вдруг пробился сквозь тучи, — и той горячей радости, которую испытывали я и мои братья, глядя, как он смеется.

Однажды отец бастовал целых семь ме- сяцев, а после того, как стачка была по- лавлена, он еще долго ходил без работы, так долго, что лучше об этом и не вспо- минать: все тяготы по содержанию семьи, забота о том, как ее прокормить, напоить и заплатить хотя бы часть квартирной платы, чтобы нас не выгнали на улицу, падали на плечи моего старшего брата и на мои.

Мне было в то время двенадцать лет. На одной из улиц мы с братом торговали газетами и зарабатывали десять долларов в неделю, а это означало, что по воскресень- ям нам приходилось вставать в три часа ночи, в холодной тьме, и одевшись с трудом, еле вползти уставшие ноги в газет- ной экспедиции. Мать наша давно умерла, и отцу приходилось быть и отцом, и ма- терью, и ангелом-хранителем трем малолетним парнишкам, не имея возможности ни десяти их накормить, ни как следует их одеть, ни заглушить в душе своей стыд, что он не в силах сделать ни того, ни другого.

Единственным утешением его была та необычайная душевная близость, которую знают только рабочие люди, и в субботу ночью он понимался на полчаса раньше нас, готовил нам завтрак, потихоньку нас будил, помогал нам одеться, кормил нас и выпрашивал в дорогу, — и все это с выражением такой нежной любви, которую знают только бедняки; онадцать лет не могут забыть ее до самой смерти.

И так и не мог поверить, что отец мой когда-то был молод, а если он заговорил о своей молодости, мне казалось, что речь идет о ком-то постороннем. Есть на свете люди, которые всегда остаются молодыми и сохраняют молодость до самой смерти.

— А вот скажите, что нам еще надо сделать, чтобы укрепить мир!

ПРОЛЕТАРИИ ВСЕХ СТРАН, СОЕДИНЯЙТЕСЬ!

ЛИТЕРАТУРНАЯ ГАЗЕТА

ОРГАН ПРАВЛЕНИЯ СОЮЗА СОВЕТСКИХ ПИСАТЕЛЕЙ СССР

№ 34 (3379) Суббота, 19 марта 1955 г. Цена 40 коп.

МОЙ ОТЕЦ

Говард ФАСТ

Меня никогда не удивляло, что в молодости отец мой занимался таким трудом, о котором я прежде и не слыхивал; единственное, чем он, по моему мнению, так и не стал, — богатым. Отец рассказывал мне, что года два он работал слесарником на канатной дороге, пока такие дороги совсем не исчезли из Нью-Йорка. Профессия отца казалась мне куда менее странной, чем то, что в Нью-Йорке вообще существовали канатные дороги, но отец объяснял мне, что давным-давно ее ввозили богатые от Сорок второй улицы на юг, кажется, по Седьмой авеню.

Много лет спустя в Сан-Франциско я провел чуть не целый день, катаясь на фуникулере вверх по Ноб Хиллу, Телеграф Хиллу и всем прочим холмам и долинам, которые придают такое своеобразие городу, и часами наблюдал за рабочим, который орудовал тросом длинными рукоятками со сноровкой и изяществом, — он казался мне поразительным свидетельством навсегда ушедшего прошлого.

Так вот, значит, отец мой был рабочим на канатной дороге. У него были большие, сильные и красивые руки, да и весь он до самой своей смерти был мускулистым, сухощавым и крепким человеком, и столько, сколько я себя помню, в памяти моей живут эти руки, руки рабочего человека — опора и основание всей его жизни, ибо все, чем он обладал, были вот эти самые руки.

Я не очень твердо знаю, кем отец работал сначала. Он стал работать, когда ему было одиннадцать лет, так же, как и я, но он почему-то не рассказывал о том, что он делал до семнадцати лет. Кажется, он работал в конюшню в нижней части города, — дело было в восьмидесятых годах прошлого века, — скреб лошадей, чистил попошки и выполнял еще уйму всяких других обязанностей.

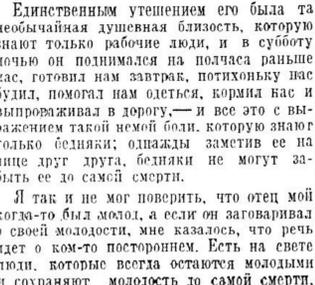
В те времена и взрослые и дети работали по двенадцати, а зачастую и по четырнадцать часов в сутки; когда моему отцу исполнилось пятнадцать лет, он на- чинал в «потогонную» мастерскую и тру- дился там с семи утра до восьми вечера. Он принадлежал к тому поколению рабо- чего люда, кому смех и веселье даются с трудом. Я никогда не забуду, каким сча- стливым волнением озарилось его лицо, когда он смеялся, — словно солнечный свет вдруг пробился сквозь тучи, — и той горячей радости, которую испытывали я и мои братья, глядя, как он смеется.

Однажды отец бастовал целых семь ме- сяцев, а после того, как стачка была по- лавлена, он еще долго ходил без работы, так долго, что лучше об этом и не вспо- минать: все тяготы по содержанию семьи, забота о том, как ее прокормить, напоить и заплатить хотя бы часть квартирной платы, чтобы нас не выгнали на улицу, падали на плечи моего старшего брата и на мои.

Мне было в то время двенадцать лет. На одной из улиц мы с братом торговали газетами и зарабатывали десять долларов в неделю, а это означало, что по воскресень- ям нам приходилось вставать в три часа ночи, в холодной тьме, и одевшись с трудом, еле вползти уставшие ноги в газет- ной экспедиции. Мать наша давно умерла, и отцу приходилось быть и отцом, и ма- терью, и ангелом-хранителем трем малолетним парнишкам, не имея возможности ни десяти их накормить, ни как следует их одеть, ни заглушить в душе своей стыд, что он не в силах сделать ни того, ни другого.

Единственным утешением его была та необычайная душевная близость, которую знают только рабочие люди, и в субботу ночью он понимался на полчаса раньше нас, готовил нам завтрак, потихоньку нас будил, помогал нам одеться, кормил нас и выпрашивал в дорогу, — и все это с выражением такой нежной любви, которую знают только бедняки; онадцать лет не могут забыть ее до самой смерти.

И так и не мог поверить, что отец мой когда-то был молод, а если он заговорил о своей молодости, мне казалось, что речь идет о ком-то постороннем. Есть на свете люди, которые всегда остаются молодыми и сохраняют молодость до самой смерти.

— А вот скажите, что нам еще надо сделать, чтобы укрепить мир!

Ежедневно отовсюду приходят свидетельства плодотворного культурного обмена между народами мира, который ширится, несмотря на все попытки врагов прогресса помешать дружеским связям народов.

Французский журнал «Нуэвель критик» печатает повесть китайского пи- сателя Чань Дань-кэ «Могла ли жить женщина». В Народном театре Алба- нии идет спектакль «Седая девушка» китайских драматургов Хэ Чин-чжи и Дин Ни. Московское издательство выпускает в свет книгу французского ки- ноактера Жюльета Садуля о великом киноактере Чарли Чаплине. Советские радиослушатели восхищаются передачей, посвященной французскому певцу Риву Монтану. В столице Венесуэлы Каракасе с успехом демонстрируется со- ветский фильм «Адмирал Ушаков».

В этих фактах отражается укрепление единства деятелей культуры в борьбе за мир, за укрепление дружбы между народами.

Сегодня мы печатаем автобиографический рассказ Говарда Фаста. «Ли- тературная газета» будет и впредь публиковать новые произведения зарубеж- ных писателей.

даже если ни удается дожить лет до вось- мидесяти. Отец мой не был таким чело- веком, хотя тело его и оставалось юным, шаг энергичным, а сила его все такой же необыкновенной. У него были могучие ру- ки кузнеца...

В те дни, на рубеже нового столетия, в Нью-Йорке, да, наверно, и в других горо- дах Америки, была большая мода на изде- лия из ковеного железа. Они шли не толь- ко на нежданно вошедшие в обиход пожа- рные лестницы, ими украшали перила, ко- льяки и фургоны; решетками из кованого железа загороживали отверстия в по- беге, находили они себе и разное другое применение. Могучие руки кузнеца ковали железо молотом в раскаленной печи над го- рящим древесным углем. Этот способ обра- ботки железа был таким же древним, как и сам металл в жизни человечества. Ма- стерские, где ковали железо, были распо- ложены и в восточной, и в западной частях города, на берегах рек, и племя ковачей было сродни племени кузнецов, обустраивавшим поймами тысячи лошадей, и племени колесников, чинивших тысячи железных ко- лес.

Отец говаривал, что мальчиком ему ка- залось, будто в кузне лучше, чем в раю, и в обеденный час он брал свой хлеб с маслом и банку с пивом, садился на кор- точки под навесом открытого сарая и насла- ждался ревом огня, шипением мехов и мощным звоном и гомоном молотов.

Он начал работать учеником, мальчиком на побегушках, таскал с места на место железные полюсы и носился в соседний кабак за пивом для изнывавших от жажды кузнецов. Потом его сделали подмастерь- ем, дали ему в руки шпиль, заставили по- лавить горячий металл и, наконец, произвели в полноправные кузнецы, надели кожаный фартук и выдали в личное пользование мо- лот, которым он мог теперь бить по рас- каленному докрасна железу и покорять его своей воле.

Если бы горячая ковка железа не ушла в прошлое, отец мой до конца своих дней стоял бы у наковальни; много лет спустя я часто задавал себе вопрос, почему человек с таким умом и способностями не мог ни на что рассчитывать, кроме своих голых рук, и только потом понял, в чем тут дело. Когда эпоха ковеного железа ми- новала, отец стал жестяничником, но приме- нение жести для корыт, раковин и кровли тоже было неотложно, и неутомимая судьба толкнула отца в ту отрасль нью- йоркской промышленности, которая неук- лонно развивалась: отец стал закры- тым на фабрике готового платя.

Ему снова пришлось обучиться новому ре- меслу, и он изучил его основательно, но впервые с этими тремя ремеслами чем- то только он не занимался! Я видел его странствующим малодромом и помогал ему как-то раз в работе воловопроводчика, чув- ствывая себя таким неуемным и нескладным, глядя на его чудовищные руки. У отца моего был неисчерпаемый запас терп- ливости, а спокойствие его можно было толь- ко позавидовать. Единственное ремесло, ко- торого он так и не мог освоить, — заста- вить, чтобы доллар работал на него и раз- множался.

Мать умерла, когда я был еще совсем маленьким, оставив отцу непосильную за- боту о воспитании троих мальчугов. Ду- маю, что и при жизни матери мы были несколько не богаче, но у нее был дар при- крывать обнаженное лицо нищеты, а отец не умел этого делать. Сколько бы он ни ра- ботал, — двенадцать или четырнадцать ча-

сов в сутки, — ему все равно не удавалось накормить, ни одеть своих детей. Он должен был пожертвовать нашим детством так же, как жертвуют детством своих де- тей миллионы других отцов из рабочего класса в самых разных странах мира. Старший братишка начал работать, когда ему стукнуло двенадцать, и оба мы «посте- пенно» узнали ту боль, ту усталость, то безмерное утомление, которые приносит не столько труд, сколько игры и утехы, обещавшие тебе стороной. Возможно, что тогда- то отец мой и постарался. Ему при- шлось продать нашу юность за деньги, точно так же, как когда-то была продана его собственная юность, и лицо его от этого стало серым, усталым, словно из него сразу ушла жизнь.

Я живу в такое время, когда слово «со- циализм» у меня на родине отнюдь не са- мое популярное слово, что же до «комму- низма», то его превратили у нас чуть не в ругательство, однако лет до шестидесяти я этих слов, по-моему, вовсе и не слышал, а если и слышал, то не понимал их значе- ния. Я знал, что слово «большевик» — ярлык для разных непристойностей, о ко- торых кричали цветные приложения к га- зетам Херста, однако дикий разгул наси- лия и убийств, который там изображали, был далек от того, что меня лично затра- гивало, и я оставался к нему равнодуш- ным.

В ту пору я служил посыльным в Нью- йоркской публичной библиотеке за щедрое вознаграждение в двадцать два цента за час работы; в те времена очень многие не имели никакого заработка, и место, на ко- тором я прижился, переменял с десяток других работ, несмотря на мольбы отца вы- учиться какому-нибудь полезному ремеслу, было дорого мне потому, что я любил книги, любил находиться среди книг, держать их в руках, читать их, и я читал все, что попадалось мне под руку, лишь бы это была книга, и она позволяла мне уйти по- дальше от окружающей меня действитель- ности. Тогда-то библиотекаря и дала мне прочесть книгу Бернарда Шоу «Путь к ве- щности для интеллигентных женщин по капитализму и социализму».

Библиотекаря отнюдь не задавался целью совратить меня с пути истинного, она просто заинтересовалась мной, потому что я как-то проговорился, что по ночам пишу рассказы, а когда я зал ей прочесть эти рассказы, она заметила, что ни один из них никак не отражает моего собствен- ного жизненного опыта. Я попытался ей объяснить, что у меня нет ни сил, ни умения разобраться в моем жизненном опыте. И тогда она дала мне прочесть одну-две короткие вещицы, чтобы различие мое лю- бопытно, а потом и книгу Бернарда Шоу, — чтобы его удовлетворить.

Заглавие мне не понравилось, заглавие меня престо смущило. Мне исполнилось сем- надцать лет, и я чувствовал себя взрослым мужчиной и в том, как я зарабатывал хлеб своим насущным, и в том, как боролся за существование, познав грязь, кровь и жестокость тех джунглей большого города, где я жил и работал, и в той приправе из пла- щадной ругани, которой я уснащал свой богатый лексикон уличного мальчишки, и в том обширном, хоть и несколько однобо- ком знании жизни и законов человеческого организма, которым я уже овладел. Чем же могла научить меня книга, предназна- ченная для интеллигентных женщин?

Но она меня научила, научила в ту же самую ночь. Я начал читать ее вечером, за

кухонным столом — этим средоточием жиз- ни рабочей семьи, — рядом со мной дрема- ли отец и братья, потом они ушли, а я все продолжал читать, пока не повесело- ло небо. В глазах у меня плясали яркие круги, весь мир, казалось, прыгнул в движение; и в первый раз в моей жизни, в бессмысленности того, как я жил и чем я был, и того, откуда я вышел и куда я шел, проник светлый луч разума.

Но совсем не Бернад Шоу и не добрая библиотекаря свернули меня с «пути истинного» и навеки сделали врагом классово- го угнетения и власяной несправедливо- сти. Не они показали мне, что моя нищета, телесная и духовная, мой голод, физический и умственный, мой отрыв и равные баш- маки — не мое личное горе, не моя личная утрата, нанесенная мне коварной судь- бой, а что это — пена, которую я плещу за принадлежность к великой и могущей современной силе современного мира, к рабочему классу. О, нет, человека совсем не так легко совратить, как думают неандертальцы наших дней, меня «совратила» сама жизнь, а Шоу, о котором я до сих пор не могу вспомнить без нежности, лишь превратил бессмысленную ненависть и возмущение в осмысленное понимание и творчество.

Однако мне так и не удалось ни в чем убедить моего отца, моего необыкновенного, сильного, мудрого и терпеливого отца, чьи руки были одарены такой волшебной вла- стью, чье сердце было таким большим и мо- гучим, что его не сумела разбить даже жизнь, что сам, по-своему, был лучшим представителем рабочего класса и что по- стоянно унижал себя, чтобы как-нибудь оправдать свою бедность. Как глубоко боли- ли в его душе уверенность в том, что сильный, достойный всегда могут в жизни добиться успеха, что он так ни разу и не признался, что мы живем не в самом лучшем из возможных миров. Вот только сам он почему-то потерпел в этом мире неуаузу.

А я говорю вам, что он не был неудач- ником. Он показал мне, что такое рабочий, и я этого не забуду, пока буду жив. Горькие, бесконечные споры, которые мы вели с ним о нашей жизни, и о том, что она собой представляет, — стоило всего эти споры по сравнению с ним самим, кто был самым сильным аргументом в пользу моей веры, всем существом своим доказывая мне, как я прав!

Он так хотел, чтобы я стал писателем; без него я никогда бы не стал писателем, и я этого не забуду, пока буду жив. Горькие, бесконечные споры, которые мы вели с ним о нашей жизни, и о том, что она собой представляет, — стоило всего эти споры по сравнению с ним самим, кто был самым сильным аргументом в пользу моей веры, всем существом своим доказывая мне, как я прав!

Он так хотел, чтобы я стал писателем; без него я никогда бы не стал писателем, и я этого не забуду, пока буду жив. Горькие, бесконечные споры, которые мы вели с ним о нашей жизни, и о том, что она собой представляет, — стоило всего эти споры по сравнению с ним самим, кто был самым сильным аргументом в пользу моей веры, всем существом своим доказывая мне, как я прав!

Незадолго до его смерти вывел мой ро- ман «Последняя граница», которому я пред- послал следующее посвящение: «Моему от- цу, который научил меня любить не только Америку прошлого, но и Америку, которая будет». В то время отец мой был уже старым человеком, куда старше своих лет, изнуренным трудом, измученным и очень больным, и он не понимал, что я хотел ска- зать своим посвящением, несмотря на все удовольствие, которое доставила ему моя книга. Ведь, по его словам, он так мало знал об Америке прошлого и его так тре-бовало то, что ждал Америке в будущем.

И он сумел мне объяснить, что он и был Америкой будущего, и мне кажется, что самая жестокая моя обида за все эти жесто- кие годы состоит в том, что у того, кто во многих отношениях был высочайшим образ- цом человека, отняли самое драгоценное его достояние: гордость и сознание принадлеж-ности к миллиону таких же людей, как он сам, построивших своими могучими ру- ками самое лучшее, самое надежное в Аме- рике прошлое.

Перевод с английского Е. ГОЛЫШЕВОЙ и В. ИЗАКОВА

ЭТОТ небольшой кинозал студии «Мосфильм» называют экспери- ментальным. У него необычайный экран, ширина которого почти в три раза превышает высоту. Да и сам зал вы- глядит непривычно коротким — ширина его тоже значительно больше длины. По своей форме он в какой-то мере служит прообразом будущих широкоэкранных кинотеатров.

Гаснет свет, и на экране возникает удивительное зрелище. За набережной Москвы-реки, рельефно выступающей на переднем плане, истинно ощущается перспектива слегка затянутого дыма- ки знакомого пейзажа Ленинских гор. Мы как будто путешествуем в машине кинооператора. Вместе с ним едем на- встречу высотным зданиям, уступаям дорожку трамваю, мчимся по оживленным улицам столицы. Нас ни на минуту не покидает ощущение объемности и шири- ны открывающейся перед нами перспек- тивы! Эффект поразителен!

ШИРОКИЙ ЭКРАН

Репортаж

Мне были на их спектакль. Они ведутся в «Мосфильм». В большом съёмочном павильоне художники-декораторы созда- ли полную иллюзию бескрайней лавку- стланской степи. Но ее заслоном пошу- рившимся белесым платаном. В гриме и костюмах проходит перед нами кинообъективом уличник цветного кино- ленточного фильма «Целина», кото- рый будет сниматься по сценарию И. По- година режиссер-постановщик М. Кала- тозов и оператор Ю. Екельчик.

Наше внимание привлекает объектив кинокамеры. Приспособление, которое мы видим на нем, называется «аппара- том фотоприставки». При съемке она су- щественно увеличивает, а при проециро- вании — уменьшает кадр, который потом в кинотеатре займает его огром- ный по ширине экран.

Вот почему для съемки широкоэкра- нных фильмов необходима высококачествен- ная пленка, без каких-либо дефектов, точно передающая богатство цветов. Ма- лейший дефект при растяжении изобра- жения на широкий экран приводит к гру- бым искажениям. К сожалению, тако- кой отечественной пленки еще нет; и- нородная промышленность и Научно-исследовательский кинофототехниче- ский институт (НИКИФТ) серьезно отстали в этом деле.

Мы беседуем с руководителем съемки — Нам удалась, наконец, вырваться из границ «обычного» кадра, — говорит М. Калатозов. — Кино получило новые, неизмеримо более богатые и многооб-

разные выразительные средства. Новый способ съемки позволяет строить широкие ми- нусцены, в которых вместе с основным действием будет пол- ное представление и сопутствующая его обстановка. Актеры могут проводить сцену от начала до конца без перерыва на одном и том же монтажном куске. Есть и еще одно важное обстоятельство: сила художественного воздействия на зрителя возрастает во много раз бла- годаря новому союзнику, которого мы по- лучили в виде стереофонического — про- странственного, объемного — звука.

В беседе вступает звукооператор В. Попов. Он вместе с группой совет- ских кинематографистов недавно побы- вал во Франции и в Англии.

— Самое сильное впечатление при просмотре широкоэкранных фильмов оставляет звучание, — говорит он. — Мы привыкли воспринимать звук в кино из общего источника — со зву- ковой дорожки, расположенной на одной стороне киноплоскости. Теперь зритель впервые получает пространственное ощущение звучания потому, что звук вместо одного источника исходит одно- временно из нескольких и как бы дви- жется вместе с актером. Поэтому, даже не глядя на экран, можно определить, где находится актер. Но и это не все. Звук идет и нам не только со стороны экрана, — мы слышим его справа, слева и даже позади себя.

— Как это достигается? — На съёмочной площадке устанавли-

вается не один, а сразу несколько микрофонов, иногда число их дости- гает десяти. Запись производится аппарату- рой новой конструкции, причем не на обычную пленку, а на магнитную, кото- рая значительно улучшает качество звука. Целый ряд зарубежных широко- экранных фильмов записывался, напри- мер, на четыре звуковых канала. Обыч- ная пленка принимает сразу необычай- ный по богатству и разнообразию звук. По богатству и разнообразию звук в этих дорожках, устанавливаются за экра- ном справа, слева и в центре. К четве- ртому звуковому каналу подключаются до 28 репродукторов, расположенных по стенам внутри зрительного зала. Это и позволяет создавать эффекты, которыми до сих пор кинематография еще не рас- полагалась.

Поясняя свою мысль, В. Попов привел такой пример: мы видим на экране, как в парке, где играет оркестр, встречается влюбленная пара. Проходит время, и зритель наблюдает, уже вдали от парка, сцену их раслуки. В это время не с экрана, а в самом зале звучит знако- мый мелодия оркестра, и зритель ясно чувствует ее, как воспоминание о пер- вом восторге. А вот на экране идет дождь, зритель слышит стук его капель у себя над головой. Более естественно звучат удары грома, выстрелы, взрывы и другие звуковые эффекты.

Слушая этот рассказ, мы невольно переводим взгляд на единственный ми-

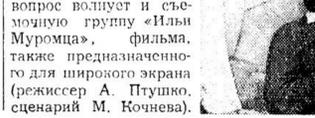
крофон, с которым проводится пробы актеров для фильма «Целина». Не до- вольно, удается ли применить в этих картинах стереофонический звук.

Как «Целина», так и «Илья Муромец», видимо, появятся на экранах не раньше будущего года. Оба они будут сниматься одновременно в двух вариан- тах — один для обычных кинотеатров, другой — для широкоэкранных. К выхо- ду этих картин в Москве должны быть пе- реоборудованы на широкий экран три ки- нотеатра, в Ленинграде и Киеве — по два.

Кинопромышленность может и долж- на навестить успешнее, двинуть, наконец, вперед это новое в кинемато- графии дело — освоение широкоэкранных съемки.

В. ГОЛУБЕВА

Так выглядит на экране кадры обычного и широкоэкранные кадры.

Так выглядит на экране кадры обычного и широкоэкранные кадры.

СЕГОДНЯ В НОМЕРЕ: Говард Фаст. — Мой отец (1 стр.). А. Житков. — Образы и действительность (2 стр.). Н. Долиннин. — Пустые места (2 стр.). К. 60-летию Максима Рыльского. Статья К. Зеленикова (2 стр.). Илья Грудев. — Горьковские традиции (3 стр.). Литературное обозрение (3 стр.). Нет, Франция этого не забудет! (4 стр.). Литература и искусство за рубежом (4 стр.). Неумный трюк «Вашингтон пост» (4 стр.).

ОБРАЗЦЫ И ДЕЙСТВИТЕЛЬНОСТЬ

Много познается в сравнении. К сожалению, мы не всегда приравниваем этого жизненного правила, не всегда примеряем действительность к реальным возможностям. Не часто сопоставляем свои успехи с достижениями других, с успехами соседней и потому свою собственную работу, свои просчеты и ошибки нередко оцениваем недостаточно критически. А жал, только глубоко осмысленный, сугубо аналитический, а главное, прямой и беспристрастный подход к вещам дает им ясное, правильное освещение.

Вот и сейчас, после январского пленума ЦК КПСС, мы многое увидели в новом свете. Наша сельскохозяйственная артель имени Тельмана, как и другие колхозы зоны Раменской машинно-тракторной станции, имеет хозяйство ярко выраженное молочно-овощное направление, больше молочное, чем овощное. Почти две трети всего денежного дохода — около двух миллионов рублей — приносит нам ферма крупного рогатого скота. На каждые сто гектаров сельскохозяйственных угодий у нас приходится по четырнадцати коров, с общим годовым надоем молока в четыреста с лишним центнеров.

За достижения в молочном хозяйстве колхоз имени Тельмана был представлен на Всесоюзной сельскохозяйственной выставке. Наконец, среди наших животноводов — восемь Героев Социалистического Труда и свыше двадцати орденосцев.

И все же нам неслучается еще многого из того, что январский пленум ЦК КПСС провозгласил как обязательное условие дальнейшего крупного подъема общественного продуктивного животноводства.

Вряд ли надо распространяться, что животноводство вообще, и молочное в частности, — дело весьма трудоемкое, что крупному колхозу, да еще подмосковному, обходиться теперь без широкой механизации этой отрасли хозяйства уже никак нельзя.

Достаточно обратиться к общеизвестным данным. Чтобы вручную надеть, скормить, выпастить, поить и вымыть корову, надо сделать до ста сжатых кулаков. Стадо бычьих, доярке, за которой закреплено, как обычно, девять-десять коров с общим годовым надоем молока в сорок пять—шестьдесят тысяч литров, приходится сжимать кулак каждой руки до десяти тысяч раз в день! А как много труда надо, чтобы пятьсот голов крупного рогатого скота в течение дня регулярно поить и кормить, чтобы помещения, в которых находится этот скот, содержали в должной чистоте?

Стоит привести еще три цифры. На производство одного центнера картофеля и овощей мы, с тех пор как освоили квадратный и квадратно-гнездовой способы посадки, затрачиваем всего один трудодень. Расход труда на пентер зерна при среднем урожае составляет у нас не более двух трудодней. А на производстве центнера молока, считая и вложения труда в кормовывание, он превышает девять трудодней.

И надо прямо сказать, что не только наша МТС, но и мы сами мало, очень мало занимались до последнего времени тем, чтобы, как этого требуют решения пленума ЦК КПСС, резко сократить в животноводстве, а прежде всего в молочном хозяйстве, затраты труда и средств на производство единицы продукции.

Признаюсь, мы раньше и не вели счета этим затратам. Только теперь, оглянувшись, как говорится, по сторонам и сопоставив наши данные с показателями соседней мы увидели, что определенно отстали в этом отношении.

На каждый трудодень, начисленный по ферме крупного рогатого скота, животноводы соседнего тимонинского колхоза имени Молотова в прошедшем году надолжили молока, например, вдвое больше наших. А на уход за каждой коровой они затрачивали труда в полтора раза меньше. В этом сказало, конечно, немало всяких обстоятельств: и подбор стада, и обеспеченность

А. ЖИТКОВ.

Герой Социалистического Труда,
председатель колхоза имени Тельмана

его кормами, и многое другое. Но решающим из всех факторов, обуславливающих эту громадную разницу в экономике молочного хозяйства, является, само собой, высокий, значительно более высокий, чем у нас, уровень механизации трудоемких работ на ферме.

Известная ныне всей стране тимонинская сельскохозяйственная артель имени Молотова возникла в 1950 году в результате укрупнения четырех мелких колхозов. В этом хозяйстве, как в своем опорном пункте, вскоре же после того начал и широко развернул экспериментальные работы Всесоюзный научно-исследовательский институт механизации сельского хозяйства — ВИМ.

На протяжении трех лет, как в колхозе была целиком осуществлена комплексная механизация молочного хозяйства, начиная от установки автопоилок на ферме и кончая оборудованием и обслуживанием кормоцеха и специального доильного зала. Особенно ценным было создание кормоцеха с полным комплексом оборудования для механизированной подготовки кормов.

Искренне радовались мы успехам соседней. Твердо надеялись, что ВИМ, министерство и областное управление сельского хозяйства вместе с Министерством автомобильного, тракторного и сельскохозяйственного машиностроения не замедлят позаботиться о том, чтобы средства механизации, используемые на ферме колхоза имени Молотова, возможно скорее поступили в серийное производство, стали бы доступны и другим колхозам страны, в том числе и нам. Но этого не случилось.

Надо отдать справедливость Министерству сельского хозяйства СССР. Достижения колхоза имени Молотова в механизации трудоемких работ на ферме крупного рогатого скота оно сделало объектом широкой, разносторонней пропаганды. И правильно сделало.

Об опыте этого колхоза было выпущено множество брошюр, листовок, плакатов, книжек, фильмов. Ему уделено много внимания в периодической печати, в радио-передачах. И естественно, что в Тимониню устремились тысячи колхозников и колхозниц со всех концов Советского Союза. С открытием Всесоюзной сельскохозяйственной выставки колхоз имени Молотова был включен в число хозяйств ее вынравственного показа, и за короткий срок в Тимониню побывали сотни экскурсий.

Все это хорошо. Плохо лишь то, что Министерство сельского хозяйства совсем упустило из виду другую, практическую сторону. Оно мало, очень мало сделало для того, чтобы средства механизации, с успехом используемые тимонинцами, могли быстро найти себе применение и в других колхозах страны.

Широко распространяя всевозможные машины для подготовки и переработки кормов, для механизации прочих работ в животноводстве, министерство, однако, не позаботилось о том, чтобы промышленность наладила массовый выпуск таких машин. Словом, реклама оказалась далекой от действительности.

Обширнейшие планы механизации, замышлявшиеся в каждом колхозе после того, как представители его возвращались из Тимониню, неизменно рушились, как только люди переступали порог местного Сельхозбюро. О полном комплексе машин и транспортирующих устройств для оборудования кормоцеха по типу тимонинского нечего было и заикаться.

В лучшем случае можно было приобрести одну-две какие-нибудь разрозненные машины и, что всего досаднее, сломать и рядом с несогласованной, совершенно различной производительной мощностью. Люди явно рисковали попасть в нелепое положение, в каком, к слову сказать, оказались мы. В свое время колхоз наш приобрел корнеклубомойку, типа выпускае-

мых Гомельским заводом сельскохозяйственного машиностроения, хорошую машину с производительностью до трех тонн в час. В то же время корнеклуба досталась нам марки «МСУ» (я также затруньюсь расшифровать эти буквы), совсем карликовая, способная за час измельчить не более пятидесяти килограммов. А скормливаем мы скоту временами до шести тонн одной свеклы ежедневно. Вот и получалась несуразица: имея возможность за два часа всю эту свеклу перемолоть, мы... только за полтора дня могли пропустить ее через корнеклуб.

От использования этой машины, совершенно непригодной в нашем хозяйстве и по своим масштабам, мы, конечно, вынуждены были отказаться. Но другой, более мощной корнеклубе до сих пор не смогли вместе нас приобрести. Негде. Кетати, для кого выпускаются теперь такие определенно устаревшие уже, малопродуктивные машины? Кому они нужны?

Единственное из того, чем славится колхоз имени Молотова и что, вопреки всем ожиданиям, стало нам доступно вскоре же после тимонинцев, — это оборудование для доильного зала. Но оно, во-первых, очень дорого, и во-вторых, представляет интерес лишь для весьма ограниченного круга хозяйств, где нет выпасов и где скот в силу этого вынужден круглый год находиться на стойловом содержании. Но, кроме колхоза имени Молотова, в зоне Раменской МТС имеется еще всего одно такое хозяйство. А что сказать о нашем колхозе? Примерно с мая по сентябрь, а если позволяет погода, то и дольше, скот у нас обычно находится на лагерном содержании. В лагере имеется своя доильная установка. Какой же смысл обзаводиться доильным залом на ферме? Чтобы он поглотил? А помимо того, нельзя же каждый раз при переводе коров с фермы в лагерь и обратно «перучивать» их. У животных вырабатываются ведь определенные привычки, рефлексы, и с этим нельзя не считаться.

В общем, так обстояло дело со средствами механизации, примененными в хозяйстве вынравственного показа Всесоюзной сельскохозяйственной выставки. Но, быть может, легче обзавестись машинами и оборудованием для механизации трудоемких работ в животноводстве, демонстрировавшихся на самой выставке? Увы! Многие из них, к сожалению, все еще имеются лишь в заманчиво раскрашенных образцах, приобрести же их пока негде. Попробуйте, скажем, купить корморегулирующий агрегат «КПК-1,5». Это не так просто.

Все машины у нас на ферме самых разнообразных марок, разной давности выпуска, производств заводов, расположенных в самых различных пунктах страны. Гомель, Винница, Молотов, Ульяновск, Плавск, Софриха... Каких только названий нет в «реографии» машинной техники, применяемой нами в животноводстве!

Министерство автомобильного, тракторного и сельскохозяйственного машиностроения, повидному, относит оборудование для животноводческих ферм к второстепенной продукции и знания по ее выпуску размещает на мелких малообъемных предприятиях. Каждое из них обязательно вносит в производство что-нибудь свое и в силу несовершенства своей технологии неизбежно допускает те или иные просчеты, а нередко и самый настоящий брак. Подлейший брак царит в производстве запасных деталей к этим машинам, что, само собой, немало осложняет их эксплуатацию.

Не берусь давать советы Министерству сельского хозяйства, Министерству автомобильного, тракторного и сельскохозяйственного машиностроения, рем, кто несет ответственность за снабжение колхозов техникой для механизации трудоемких работ в животноводстве. Но упорядочить это дело, и упорядочить возможно быстрее, настоятельно необходимо.

С. Михайловская слобода, Раменского района, Московской области

УКАЗОМ Президиума Верховного Совета СССР за заслуги в области развития художественной литературы, в связи с шестидесятилетием со дня рождения, поэт Рыльский Максим Фадеевич награжден орденом Ленина.

В СВЯЗИ с 60-летием Максима Фадеевича Рыльского Президиум Союза писателей СССР послал юбиляру приветствие. За 45 лет плодотворной литературной деятельности поэт прошел большой и сложный путь творческих поисков и свершений, творчески вприсоединившись к великому произведению поэта о Родине и Коммунистической партии, о социалистическом труде в нашей стране, о разрушительном дружбе советских народов, о борьбе за мир во всем мире, о природе родного края, о любви и дружбе согретым большим человеческим теплом, написаны с глубоким знанием жизни, ярко, вдохновенно.

Творчески осваивая и продолжая замечательные традиции Пушкина, Шевченко и Микшевича, М. Рыльский обогатил украинскую поэзию поэмами и стихами, которые вошли в драгоценный фонд многонациональной советской поэзии.

В частности далее отмечаются разнообразная общественная и научная деятельность М. Рыльского, плодотворная работа поэта в области перевода художественной литературы — особенно его переводы «Евгения Онегина» и «Медного всадника» Пушкина и поэмы Микшевича «Пан Тадеуш».

Президиум Союза писателей СССР пожелал поэту крепкого здоровья, долгих лет жизни и новых больших творческих успехов.

ПО СЛЕДАМ ВЫСТУПЛЕНИЯ «ЛИТЕРАТУРНОЙ ГАЗЕТЫ»

«ДОЦЕНТ И ПЕСНЯ»

Фельетон под таким названием, опубликованный в «Литературной газете» 20 января 1955 года, обсуждался в партийной организации Ростовского государственного университета имени В. М. Молотова. Приведенные в нем факты полностью подтвердились.

На заседании парткома университета было установлено, что кандидат филологических наук доцент П. Громов использовал в сборнике «Народное творчество Дона» не только фольклорные записи И. А. Куликова, поступившие к нему для редактирования. В изданном сборнике Громов даже не указал, что часть материалов принадлежала старому собирателю донских песен Куликову.

За использование в корыстных целях материалов И. А. Куликова фольклорных материалов, незаконное получение повешенного авторского гонорара и за неоплату работ студентов по обработке материалов для сборника «Народное творчество Дона» партком университета решил перевести П. Громова из членов КПСС в кандидаты сроком на один год. Это решение утверждено бюро Орджоникидзевского райкома КПСС Ростова-на-Дону.

Творческий вечер А. Первенцева

Литературная общественность столицы отметила 50-летие со дня рождения Аркадия Первенцева.

Творческий вечер писателя в Центральном доме литераторов открыл А. Жаров. Во вступительном слове Л. Никулин охарактеризовал литературную и общественную деятельность А. Первенцева и отметил, что его романы «Кочубей» и «Честь смолоду», пьеса «Третий удар» носили любовь и признательность советских читателей. Вкладом в советско-болгарскую дружбу явился написанный А. Первенцевым сценарий кинофильма «Герои Шипки».

От имени Президиума Союза писателей СССР юбиляру приветствовал Л. Леонид. Со словами поздравления к нему обратился С. Васильев, В. Захарченко, Л. Ленц, Ю. Либединский, Г. Мдивани, С. Смирнов, Ю. Солдатов, Л. Угесов, представители редакций газет и журналов, а также коллективов московских театров.

В адрес юбиляра поступили телеграммы от литературных и общественных организаций, воинов Советской Армии и Флота.

Лермонтовский Мцыри мечтал о жизни, где бы он мог сблизиться с бурей, ловить «крутую молнию», дышать свободой и красотой бытия. Такая жизнь, а не содержание застывших линий в зеркале воды, содвигает протозы нашего времени. Революционная поэзия смеяла печальную мишуру декаданса, и это оказало огромное влияние на поэтические судьбы многих художников.

Когда раскрываешь том избранных стихов и поэм Максима Рыльского, выпущенный недавно Гослитиздатом, невольно думаешь: какая большая жизнь, полная страсти и борьбы, какое многообразие поэтических восторгов!

Муза Рыльского родилась в революционном «затишье», влюбленная в красоту сонучий и строгий, и на первых порах мир ее был ограничен тихим прудом с цветами, стройными тополями, «обжелевшим золотистый млы».

В сборнике есть несколько лирических стихотворений, написанных еще четыре десятилетия назад, и одна «Песня» с датой 1910 года. Лиризм Рыльского подлинный, идущий от сердца. Строки его даже ранних стихов отличаются чеканностью, строгостью. В основе звука его поэтической певницы (здесь уместно употребить это пушкинское слово) чувствуется полнота жанроопределенности, которая всегда свидетельствует о внутреннем здоровье. Но ранняя муза Рыльского и жила, и росла, и пела, словно забодолевшая, «в стороне глухой», и ей чудилось, что «летит вся земля, как телега в полях, прямо к цели, а то и без цели».

Переход на позиции социалистического реализма у М. Рыльского был трудным и произошел позднее, чем у многих других. Его жизненный талант был долго заперт в башне эстетизма и апатизма. Еще в 1922 году (сборник «Спящая даль») поэт стремился уйти от революционной нови к книжным видениям прошлого.

Но наступил такой час — это случилось в середине или во второй половине двадцатых годов — когда молнии века по-лермонтовски расщелили его темницу эстетизма. Распалась скорлупа упрямых заблуждений. И вот оказалось, что талант Рыльского совсем не таков, каким он представлялся критикам тех лет и даже самому поэту. Оказалось, что Рыльский — не певец уединения и не только мастер акварельных пейзажей. Наоборот, оказалось, что талант его, подобно широкой, полноводной реке, стремится течь по всей стране из конца в конец, чтобы вобрать в себя и отражать все кипучие события жизни. Так, революция, строительство социалистической культуры помогли Рыльскому выйти на простор жизни, помогли ему раскрыть то сильное, жизнеспособное, что было в его даровании и раньше.

Многообразная деятельность Рыльского, как борца за мир, видного ученого-филолога, литературоведа и воспитателя молодых писательских кадров, мастера слова и вдумчивого переводчика, — все это вместе взятое составляет сегодня важное явление не только украинской национальной, но и всей советской культуры. Владат Максима Рыльского в нашу многонациональную советскую литературу очень значителен, и нельзя себе представить ее историю без изучения творческого опыта выдающегося украинского поэта.

Таким, каким знает сегодня страна Максима Рыльского, поэт обязан не только своему таланту, щедро раскрывшемуся на вершине запроса народа, но и терпеливой помощи Коммунистической партии, которая вырастила, вышеставала этот талант для народа, предостерегая от буржуазно-националистических и всяких иных искривлений, какие грозили ему на трудных дорогах жизни. И недаром «Словом о партии» открывается книга его избранных стихов. Это «Слово» показало не только выношенным сознанием исторической роли Коммунистической партии в жизни всего нашего народа, оно охарактерно и личным, лирическим чувством поэта:

Но как достигли мы вершины?
Кого благодарить, страна?

Кто сблизил мощью исповедания Сердца, умы и племена?
Мы — дети матери единой,
Зовется Партийной она!

(Перевод А. Гацова)

Что же составляет сордцевину поэзии Рыльского, то есть взятых в совокупности его лучших произведений? В чем суть того Рыльского, каким мы его знаем сегодня?

Магнит притягивает железо, сердце поэта — людей. Своеобразие таланта Рыльского заключается в самом его жизнепритяжении, в удивительной взаимосвязанности его поэзии с окружающим миром радостного труда колхозников и рабочих, с миром новой, социалистической культуры. Красота творческого труда и народного искусства, красота самого социалистического бытия — вот чем живет поэзия Рыльского.

Когда читаешь стихи Рыльского, его поэмы, стихотворные очерки, то кажется, что поэт идет по жизни, взявшись за руки с десятком или сотней людей, раскрывая светлый, счастливый мир, в котором они живут. Недаром в произведениях Рыльского встречается имена и фамилии людей, с которыми встречался поэт. Он вводит в стихи Василия Дьякина — знатного слесаря Харьковского тракторного завода, Марию Лемченко, тракториста Михайловка и многих, многих других. Все это вместе взятое создает ощущение сопричастности вдохновенного поэта с большой и богатой жизнью народа, с его трудом и культурой. Поэт верно сказал о себе: «Люблю работы гром и стук и кровь живую в жилах».

Рыльский выражает в своих стихах замечательную черту советского человека: стремление познать, освоить все лучшее, передовое и в своей национальной культуре и в культуре других народов. Это чувство советского человека стало самим предметом поэзии Рыльского. Недаром стихи о дружбе народов, сама тема дружбы народов красной нитью проходит через все творчество поэта. Даже книгу своих статей Рыльский назвал — «Дружба народов».

Три поэта особенно близки Рыльскому — Шевченко, Пушкин, Микшевич. Они дороги ему, как старшие братья и учителя, с их творчеством он молчаливо сверяет «свою лиру».

Истинный поэт дружбы народов, Максим Рыльский в то же время — национальный, украинский поэт. Своим национальным, украинским он чувствует и выражает глубоко и, я бы сказал, интимно. Были тут у него и ошибки. Но не они определяют путь художника. Рыльский весь, как советский поэт, общественный деятель и ученый, сложился и вырос в процессе формирования украинской социалистической нации. И новые национальные черты украинского народа в сочетании с передовой традицией Шевченко, Кочубинского, Франка, Яси Украинки своеобразно и очень органически преломились в поэзии Рыльского, в ее сюжетах, образных средствах, языке.

Максим Рыльский — поэт-рассказчик. Тут и история (повесть в стихах «Марина»), тут и современность (цикл стихов «Путешествие»), тут и психология людей (поэмы «Любовь» и «Молодость»). Но Рыльский — и нежный лирик, и трибун, и боец. Многогранен его талант, как и многообразие его деятельности, его поэзия. Однако у каждого поэта надо видеть его главное, а не отдельные неумудря или «проходные» стихи. Главное в поэзии Рыльского — пафос народности, пафос свободного труда и создания, сливающейся с пафосом света и красоты.

Я душой, родные, с вами,
И своей работой скромной
И всю братство и единство
В день великого труда.

(Перевод М. Шекстеров)

— пишет Максим Рыльский. И в этих строках звучит чистый и сильный голос большого поэта, посвятившего свой талант служению родному народу.

К. ЗЕЛИНСКИЙ

НА ТЕМЫ ВОСПИТАНИЯ

Пустые места

Расскажу о трех учениках, которые учатся у меня в девятом классе. Они не похожи друг на друга, они не дружны между собой, каждый из них относится к двум другим иронически. Между тем их фамилии всегда у нас в школе называют вместе: Дмитриев, Крутов, Лавровский. — при этом говоривший выдыхает, и взгляд у него становится безразличным.

У Валерия Дмитриева «ангельское» лицо и приятный голос: на вид ему можно дать лет двенадцать, он очень маленького роста, хотя давно получил паспорт.

В начале учебного года ребята казались, что этот мальчик непременно должен хорошо учиться, и класс был удивлен, когда к концу сентября у Валерия в дневнике оказались одни двойки. Мало того, очень скоро обнаружилось, что и на уроках он ведет себя не совсем обычно. Не то чтобы разговаривает или вертится, — нет, он старательно и внешне озабоченно меняет другим слушать, покачивает неверный ответ, смеит стоящего у доски.

Однажды во время урока Дмитриев с ласковой улыбкой сказал что-то девочке, сидящей на соседней парте. Та покраснела и заплакала. «В чем дело?» — спросила я ее на перемене. Девочка не хотела отвечать, а ее подруга сказала: «Валерий грязности говорит».

Эта история повторилась на уроке математики с другой ученицей. Еще через неделю, сидя в учительской, я услышала шум и, выйдя в коридор, увидела Валерия с девочкой. Не успела я спросить, что случилось, как подошла уборщица. «Я на него в суд подаю», — сказала она. — Таких в тюрьму сажают за хулиганство». Оказалось, что Дмитриев во время урока стоял в двери классов, а на замечание уборщицы ответил грубой бранью.

На следующий день было классное собрание. И тут выяснилось многое. Выяснилось, что нет в классе девочки, которую он так или иначе оскорбил бы, что и среди мальчиков у него нет друзей, потому что

Н. ДОЛИНИНА, учительница 189-й школы

занимается с явным неуважением к обществу». Класс был взволнован: разговор шел нечестно; ребята старались понять, что за человек стоит перед ними. Один ученик спросил у Валерия: «Почему ты ничего не делаешь? Почему не учишь уроки?» И тогда Дмитриев ответил равнодушно: «А чего? Зачем? Мне и так хорошо».

Я познакомилась с его семьей. Отец Дмитриев — офицер; мать специально оставила работу, чтобы воспитывать единственного сына. Родители только руками разводили. «Не понимаю, что с ним случилось», — говорил отец. — Ведь он раньше тянулся кое-как, хоть на тройки, но вытранился. Мать плакала: «Он со мной страшно груб. Я не могу с ним разговаривать, не знаю, что мне делать». Выглядела Валерия. Он стоял насупившись и повторял: «А чего? А причем?».

Я спросила у родителей Валерия: «Почему вы не посылаете его работать? Ведь он не хочет учиться, растет бездельником» — и услышала в ответ: «Как же? Зачем же работать? Ведь мы в силах его прокормить, дать ему образование».

Волдя Крутов сидит в другом конце класса. Во всем его облике прежде всего бросается в глаза одно: равнодушие. Он равнодушен ко всему на свете: к товарищам, к учению, к книгам, к семье. Ребята почти не разговаривают с ним, и не раз я слышала такие замечания: «Волка не человек». «Ну что о нем говорить». Однажды на уроке физики, вызванный к доске, Крутов сказал учителю спокойно и вежливо: «Вы меня, пожалуйста, не высказывайте, не тратьте время. И ведь все равно никогда не учу уроков. Ставьте просто тройку — и все». Я спросила у группы мальчиков: «Что же, он действительно никогда не учит уроков?». И ребята ответили хором: «Конечно, как это вы не знаете? Ведь ему учиться не надо. Он просто «осваивает пенцию». Не понимаете? Как же вы не понимаете? У него погиб отец, он был майор. Пенсия, — если сын учится, — платить

будут до совершеннолетия, вот и сидит он до восемнадцати лет, а потом пойдет работать».

Как-то один из мальчиков сказал Крутову: «Мне было бы стыдно перед моей отцой». Я ждала обиды, драки, даже слез, но того, что произошло, нельзя было себе представить. Волдя остался совершенно равнодушным. И тогда-то мне стало понятно презрение к нему класса.

Третий юноша, к сожалению, давно известен нашей литературе: о таких, как он, писали фельетоны и статьи; они появлялись на сценах театров, в романах и повестях и даже в уголовной хронике.

В июне Игорю Лавровскому исполнилось восемнадцать лет. Из кармана его безукоризненно отглаженного лидажа торчат три ремные ручки и две расчески в таллийных резных футлярах. Его ботинки и волосы блестят одинаковым глянцевым блеском; ворот воротной шелковой рубашки расстегнут, и над образовавшейся щелью висит неопределенно раскаты галстук, каждый день новый: то с чайкой, то с цветком, то «красотенный», цвета крыла жар-птицы. Разумеется, являясь в таком виде в класс он не рискует, но за пределами школы показывает только в таком пошлом обличье. Ходит он особую, развращенную походкой, доступной не всякому и достигнутой путем долгой тренировки: согнув ноги в коленях, как-то особенно раскрасивая плечами. Левая рука подоспугута в локте и засунута в карман.

Приглаживаясь к Игорю, я заметила одну своеобразную черту: у него жалкая и растерянная улыбка. Позже обнаружилось и другое: он легко плачет и не стыдится своих слез, причём поводы по большей части бывают такие, от которых ни один уважающий себя мальчишка не заплачет.

Примя впервые к Игорю домой, я была очень удивлена. Ребята рассказывали мне, что у Лавровского есть телевизор, радио и резинная лопка. По этому рассказам семья Игоря представлялась мне обеспеченной. Но комната Лавровских оказалась очень скромной, а мать — плохо одетой женщиной. Однако ребята не обманывали: телевизор и радио стояли на месте. Из радиоприемника матери выключались, что живут они трудно и что Игорь тратит большие деньги на чистку ботинок, чтобы они казались лакированными, на выглаживание ватной бронежилетом, на особое отглаживание ватки; галстуки и вечные ручки покупает на деньги, сэкономленные от обе-

дов, телевизор же и прочие мать купила, отказывая себе во всем, «чтобы ребенок сидел дома».

Матери Лавровского известно, что учиться сын не желает, что он ухитряется прогуливать по шесть-семь уроков в неделю, что, кроме заботы о внешности и охоты за ледяными пластинками, у Игоря нет никаких интересов. Она примирилась с этим уже давно, как примирилась и я с тем, что Игорь обманывает и не слушается ее. Единственное, на что еще способна Лавровская, — это нанимать репетиторов для сына, перегружая себя сверхурочной работой. Игорь на это и рассчитывал. «Да не остануся я на второй год», — говорит он уверенно. — Мама найдет учителей, и они меня за лето подтянут».

Если посторонний человек придет в девятый класс и просидит несколько уроков, наблюдая за ребятами, он сразу заметит этих трюков и выделит их среди остальных школьников.

В классе сидят сорок учеников, и глядя на них, я вижу на тридцати семи лицах самые разнообразные чувства: желанье подкалывать, страх быть вызванным, интерес к рассказу учителя; наконец, оживление от разговора с соседом, стремление спрятать от учительского ока «постороннюю» тетрадь или книжку.

На лицах трех мальчиков нельзя прочесть ничего. Им не нужна школа, их не интересует ученье — это и есть то общее, что заставляет проносить их имена вместе.

Я не могу здесь разбирать вопрос о том, как и почему вырос среди наших школьников подобные юноши и девушки, — это тема для особой, очень важной статьи. Скажу только, что виноваты в их появлении и семья и школа. И главная, основная вина школы в том, что воспитанием мы детей «деловыми», Лавровский, Крутов и даже Дмитриев скажут нам, наоборот, слова о долге, чести, благодарности, о ценности творческого труда. Они напишут сочинение, пусть безграмотное, но написанное, казавшееся бы, самыми высокими чувствами. Однако все эти слова никак не вытекают и не делаются, и происходит это в школе, не научивший ребят подкреплять свое слово делом.

Широко обсуждение в нашей печати вопроса о правильном воспитании детского коллектива, конечно, поможет школе привить всем детям уважение к труду, к коллективу, к общему делу, поможет воспитать здоровый вкус, стремление к культуре, честное, прямое и благородное отношение к товарищам.

Но сегодня нас, учителей-практиков, волнует и другое. Мы должны воспитывать каждого своего ученика, мы отдаем детям свои силы, энергию, время, душу, и видим, что двое, трое из порученных нам людей превращаются в бездельников, тунеядцев, не желающих ни учиться, ни работать!

Они не только своим присутствием раздражают остальных учеников («У меня всего две двойки, а у Володи двенадцать — и то ему виднее!»), они отнимают у нас время, необходимое остальным ученикам. Не знаю, как другие учителя, а я лично скажу: мне жалко своего времени. Жалко потому, что оно нужно тридцати семи пытливым, горячим юношам и девушкам, чем трем лгунам и равнодушным. А получается так, что «хорошие» и даже «средние» ученики забывают, что все силы идут на «вытравливание» тех, кто не хочет учиться.

Мы нянчимся с лодырями. Ими заняты директор школы, учителя, члены родительского комитета. Их уговаривают и управляют товарищи, о них заботится комсомольская организация, после уроков с ними остаются отличники, чтобы объяснить, подтянуть, помочь...

Конечно, десяти-, двенадцатилетнего ребенка, который не хочет учиться, можно убедить, заставить, увлечь — его можно воспитывать принятыми в школе методами. Но если «ребенок» давно носит в кармане паспорт (а иногда и комсомольский билет), если сверстники его трудятся на фабриках и заводах, поднимают целину, водят машины, — правильно ли в этом случае воспитывать такого в школе?

Я не хочу сказать, что есть люди безразличные, «несопитимые». Воспитывать можно и нужно человека любого возраста — это ясно всякому. Но существует ведь разные способы воспитания, и школьная система не располагает средствами для изменения характера взрослого человека. И я уверена, что будет гораздо полезнее для бездельников, если мы перемещем их паразитическое существование, если государство предоставит им работать.

Мое предложение вовсе не состоит в освобождении школы и учителей от лишнего груза. Не об этом заботятся тысячи школьных работников, когда встает перед ними «проблема лодыря-старшеклассника».

Нас прежде всего волнует дальнейшая судьба этих людей, только еще вступающих в жизнь и уже стоящих на неверном пути. Ведь наша цель — сделать их настоящими людьми, а для этого им полезно оказаться в более суровых условиях, испытать труд, опустить себя нужными людьми — они должны знать, что несут ответственность за порученное им дело.

Между тем школа мало воспитывает чувство ответственности, потому что наши ученики, в сущности, беззаказаны.

Учителя известно, что практически исключать из школы взрослого человека, не желающего учиться, нельзя. За нарушение дисциплины в редких случаях все же исключают, а вот за безделье, за полную неспособность — никогда! Либо роно просто не дает разрешения на исключение, либо переводит в другую школу, и все идет по-старому — второгодичность, двойки, и так до девятнадцати лет! Лодырь твердо знает, что он беззаказен, знает это и педагог и учащиеся. И в связи с этим хочется сказать, что у директора, учителя много обязанностей, а прав очень мало. Учителю доверены судьбы детей, формирование их характеров. Но у органов народного образования, которые так любят говорить о правах учителя, об уважении к учителю, зачастую нет самого элементарного доверия к мнению педагога. Когда учитель считает, что 17-летнему юноше, который в школе бездельничает, разлагает класс, «осваивает пенцию» (что может быть безразличнее!), гораздо полезнее пойти работать, — стоит только учителю высказать такую мысль, как найдутся люди, готовые эту мысль объявить «еретической».

Но почему не довериться советам учителя, его опыту, его пониманию того, что вредно, а что пойдет на пользу подростку? Ведь исключение и поступление на работу не лишает возможности учиться. Копая же люди школы рабочей молодежи и медики получают, да еще и работают.

До революции исключение из школы означало бездельничать, об «веклеточном» говорили: «Выброшен на улицу». В наших условиях — это известно каждому — такое понятие нет. Подросток пойдет на завод, на фабрику, станет работать. Он поймет, что жизнь — не накатанная дорога, а крутой подъем в гору. И чем скорее он это поймет, тем лучше. Лучше для него, для школы, для государства.

Ведь исключение и поступление на работу не лишает возможности учиться. Копая же люди школы рабочей молодежи и медики получают, да еще и работают.

До революции исключение из школы означало бездельничать, об «веклеточном» говорили: «Выброшен на улицу». В наших условиях — это известно каждому — такое понятие нет. Подросток пойдет на завод, на фабрику, станет работать. Он поймет, что жизнь — не накатанная дорога, а крутой подъем в гору.

Ленин говорил Горькому: «Загадочный вы человек... В литературе как будто хороший реалист, а в отношении к людям — романтик».

Эти слова Ленина — замечательная характеристика Горького. Щедрость его в отношении людей была неограниченной, если он видел, что человек хорошо работает на общее благо.

В 900-х годах он встретился с редактором-издателем «Журнала для всех» Мирополовным, с редактором журнала «Жизнь» Писеем, с организатором издательского товарищества «Знание» Пятницким.

Каждый из них показался Горькому сначала большим и нужным человеком, и в каждом из них он разочаровывался. Мирополов пошел в религиозно-философское общество и стал затуманивать страницы журнала мистическими картинками.

Писеев после закрытия «Жизни» уехал за границу и требовал, чтобы и Горький тоже туда ехал, чтобы, по словам Горького, играть в Пердене и Бакунина. А пока что писал статьи о вегетарианстве, словом, стал обыкновенным либеральным красавчиком.

К одному К. П. Пятницкому Горький долго сохранял любовь. Это неудивительно, Пятницкий много оказывал ему услуг. Он перенимался с заграничной об изданий сочинений Горького, проводил через цензуру его письма, отстранял от писателя всех, кто пытался использовать его имя и авторитет в своих личных целях.

Горький любил Пятницкого. Он делился с ним своим радостным настроением в годы революционного подъема. «Новый век я встретил превосходно, — пишет он в январе 1901 года, — в большой компании живых душой, здоровых телом, бодро настроенных людей. Они — верная поручка за то, что новый век — возникнет в век духовного обновления. Вера — вот могучая сила, а они веруют и в неземные идеалы, и в свои силы твердо идти к нему. Все они погибнут в дороге, едва ли кому из них улыбнется счастье, многие испытают великие мучения, — множество погибнет вояжем, но еще больше родит их земля, и в конце концов — одолеет красота, справедливость, победят лучшие стремления человека».

Свои лучшие чаяния, пророческие чаяния, мы можем теперь сказать, он соединяет Пятницкому, как своему союзнику по борьбе с одиночкинскими. Пишет ему о своих вехах, о спектакле «Па дне», — можно смело утверждать, что мы лишний раз были бы ценнейших сведений о М. Горьком, если бы не было его писем к Пятницкому.

Работая над пьесой «Дачники», Горький пишет ему: «Чувствую я, что в воздухе носится новое мироопределение, мироопределение демократическое, а уловить его — не могу, не умею. А — носится и зреть...» «Мне хочется ходить по улицам, и по торжищам, и в храмы и — кричать лозунгом: «Будьте тверды! Имейте мужество сопротивляться! Будьте тверды!».

А когда Горький организует издание демократической литературы, тогда его письма становятся особенно оживленными. Где бы он ни был, в Нижнем, в Лте, в Москве или в Сестрорецке, везе на столе у него была груда рукописей, и он посылал Пятницкому указания, что делать с тем или другим автором.

И Пятницкий работал, как машина. Это был человек точного исполнения с крепкой, каторской памятью, и Горький метко называл его «изумительно строгим аппаратом».

В 1905 году Пятницкий проявляет заботу о Горьком во время его заключения в Петропавловской крепости и после освобождения уплачивает залог в 10.000 рублей из средств издательства «Знание», выдает из охраны рукописи «Детей солдата» и т. д. Горький пишет ему: «Никто не может возбудить в себе такого глубокого и прочного чувства, как вы, я горжусь, и считаю вас чести называть вас другом».

Уезжая в Америку, он завещает Пятницкому: «... крепко обнимаю и желаю вам от всей души — будьте тверды».

Пятницкий не выдержал испытания. После Америки, приехав в Италию и став эмигрантом, Горький снова берется за дела «Знания». И посылал Пятницкому около двадцати писем со срочными делами, он пишет 6 декабря 1907 года: «Ваше молчание становится тягостным, неужели нет даже пяти минут свободы для нескольких строчек мне?».

Пятницкий молчал. Сейчас трудно представить себе, каков был поворот у русской буржуазной интеллигенции после поражения первой русской революции. Многие писатели изменили демократическим принципам. Андрей с его рассказом «Гыма», Сологуб в «Шитовнике», Арцыбашев с его повестью «Санин» и т. д. — все это бесновало, с радостью ругая революцию и призывая к беспринципности и эротике.

И Горький пишет 13 декабря 1907 года: «Вообще нам, «Знанию», необходимо занять боковую позицию, необходимо определенно встать против всей этой сволочи».

Письма А. М. Горького к К. П. Пятницкому, Архив А. М. Горького, т. IV, 1954.

которая с таким шумом ныне поднимается на первые позиции».

В одном из следующих писем он пишет, что нужно изменить характер издаваемых «Знанием» сборников, включив в них статьи по литературной критике. Он пишет о том, что данный момент необходимо использовать для укрепления демократических течений и сжидно дать заслуженный отпор нахамам, мерзавцам и всякой содомушнице».

А Пятницкий молчал. Исполняя все другие поручения, он молчал об этом, потому ли, что не решился выступить против течения, потому ли, что сам подавался этому течению.

Горький продолжал писать: «Жду от вас моего предложения ввести в сборники литературно-критические и философские статьи. Необходимо дать отпор гг. идеалистам, мистикам и всякой всячине...».

Целый год Горький, но имея возможности приехать в Россию, писал Пятницкому о сборниках, объяснял ему свое раздраженное состояние:

«Каждый день приносит какой-нибудь сюрприз — «Суламифь» Курина, стихи «модернистов», интервью Леонида... (Андреева) — И. Г.), статьи Писеева и других ренегатов — каждый день кто-нибудь встает перед тобой голый и весь в гнилых язвах... Хочется орать, драться с этой сволочью, хочется топтать ногами эти «неустойчивые пенки»... Кажется, что все нынче, сошли с ума. И проноу вас ответить мне телеграммой на вопрос о сборниках».

И в дальнейших письмах Горький пишет, что время требует определенное и резко выступить против этого хаоса и анархизма в литературе и жизни. «Очень прошу — дайте ваш принципиальный ответ на мой вопрос, телеграфируйте!». И опять: «О сборниках вы мне не ответили, несмотря на неоднократные вопросы».

Наконец, Горький как будто понял Пятницкого, хотя очень, видимо, трудно было сделать такой поворот: от друга — к человеку, отрицающему то, что для Горького было святым.

«Молчанье ваше — угнетает... Вчера... всю ночь не мог уснуть с токи и со зланием... Это — русская литература? Какая гадость, какое ничтожество мысли, насколько невежества и цинизма!.. И я мог бы организовать отбор им по всей линии, для этого есть силы, есть желание, а главное, — это необходимо. И мне кажется, что «Знание», у которого уже есть традиция, должно бы выступить на бой со всей этой шайкой дрянн — вроде Ивановых-Разумников, Мерзляковских, Струве, Сологубов, Кузьминых и т. д. Именно — «Знание». А ваше отношение, как я чувствую, отрицательно к этой задаче, столь важной и крупной, столь своевременной. И вот я принужден работать где-то не рядом с вами, как привык и что ценял, а в стороне».

Пятницкий стал помещать без ведома Горького произведения чрезвычайно сомнительные. Горький писал ему в раздражении: «И решительно против литературного шараганства и цинизма, против торговли чувством и мыслью, против литературы, «судящей» обывателю-мещанину, который желает и требует, чтобы Курины, Андреевы и прочие талантливые люди заходили и засыпали вчерашний день всяким хламом, чтобы они избавили обывателя от страха пред завтрашним днем... Молчанье ваше в ответ на мой вопрос не могу объяснить только недостатком времени».

Какой размах публицистического темперамента был у Горького, видно по такому объяснению своего состояния в одном из следующих писем: «У меня, видимо, развивается хроническая нервность, когда моя становится болезненно чуткой, — когда затрагиваются до русской поэты, палцы невольно смеются в кулак и внутри груди все дрожит — от злости, презрения, от предвкушения неизбежной пакости... Дело в том, что я люблю русскую литературу, люблю страну и верю в ее духовные силы. Это — большая любовь».

Но трудно было передать Пятницкому все на бумаге, не получая ответов, И Горький стал звать Пятницкого на Капри для объяснения. Настоящий звать 24 декабря 1908 года посылает ему телеграмму: «Поместив повесть Скитальца без моего ведома, заставляете меня публично протестовать против нарушения моих прав редактора. Прошу немедленно приехать или посылать заявление о моем выходе из «Знания»».

Пятницкий приехал на длительный срок, оставив за себя Мирополова. Что происходило между ними, Горьким и Пятницким, какого рода объяснения, нам неизвестно. Но несомненно, что Горький убедился в ничтожности Пятницкого и в неспособности его вести дело в боевом порядке. Он молчал и «сбавотировал» требования Горького, сопротивляясь горьковским традициям, которые заложены были в «Знание» в предреволюционные годы.

Четвертый том архива А. М. Горького показывает, как в трудной обстановке Горький последовательно, с огромным публицистическим темпераментом отстаивал свои взгляды на литературу, свои идейные позиции.

Письма А. М. Горького к К. П. Пятницкому, Архив А. М. Горького, т. IV, 1954.

ТИГРАМ в текущем киносеансе «Светло»: совсем недавно зритель видел и слышал этого хищника в картине «Опасные тропы», а сейчас снова рычит на него со всех экранов могуче усурские красавицы в комедии «Укротительница тигров».

Однако при всем нашем уважении к тигру, как к сильному инструменту эмоционального воздействия на зрителя, приходится признать, что в новой комедии режиссера А. Ивановского и Н. Кошеверова великолепно работающие звери (арестант Б. Элер) лишь закрепляют успех карьеры, удачной по самой своей сути.

В чем удача новой кинокомедии? Хороший сценарий? Да, сценарий К. Минца и Е. Помещикова, опытных кинокомедиографов, — в основном хороший сценарий. Высокое качество режиссерской работы? Безусловно! Один из старейших мастеров советского кино — А. Ивановский, создатель таких популярных музыкальных кинокомедий, как «Музыкальная история» и «Антон Иванович сердится», и режиссер Н. Кошеверова в новой картине блестяще и шестрой выдумкой, и точностью попадания в мишень комического, и хорошим вкусом.

Комедия «Укротительница тигров» зритель принимает горячо, с интересом и пристрастием. Приняла успеха нового фильма в том, что он — жизненный, а его юмор — правдивый юмор. Фильм посвящен советскому цирку, и на экране мы видим именно советский цирковой коллектив с его особой трудовой атмосферой, с его духом строгости, требовательности дружбы.

Характерно, что слабости и досадные промахи авторов хорошего фильма происходят тогда, когда они отдают лишь дешевой экзентрике, трюку ради трюка. Правдо же не смеши старый циркач, спрятавшийся от страха перед тигром в... холодильнике! И как горше тигр, когда он, взобравшись на стол, хвостом и лапками ударит лопой по телефону. Также — трюк, тоже — экзентризм, но здесь они органичны, естественны и оправданы.

Этой естественности и правдивости отделяется и игра актеров. Они играют комедо легко, без нажима, не впадая в грубое шаржирование даже в таких ролях, где соблазн шаржа велик. Так, С. Филиппов в сатирической роли палеца и символзловного дурака Казимира Алмазова сумел «заострить образ», но при этом остался живым человеком, а не холодной характеристикой на традиционного «циркового злодея».

В центре картины — «любвиная пара»: Лена — Воронина — юная укротительница тигров (артистка Л. Касаткина) и мотоголовый Ермолаев (артист П. Кадочников). Очень удачно дебют и кино молодой артистки Центрального театра Советской Армии Л. Касаткиной. Она исполняет роль простодушной и милой девушки, обладающей, однако, **сильным и настойчивым** характером, с настоящим комедийным лиризмом. А ведь по-хорошему смешная личность — это очень редкое и драгоценное качество для артиста кино.

Роль Ермолаева не дала, к сожалению, П. Кадочникову возможности по-новому раскрыть свое дарование.

Особо хочется отметить исполнение роли Пети Мокнина молодым украинским артистом Д. Быковом. Вот подлинная находка для советской кинокомедии! Образ женина-неудачника — не новый образ, он таит опасность штампа. Но Пети Мокнин в исполнении Быкова — это особенный неудачник. Он полон оптимизма и внутреннего достоинства. Смотря на него — веришь, что неудача у этого старшего паренка — лишь временная полость в жизни, а впереди у Пети Мокнина все будет хорошо! Нельзя забыть невозможно ухарский и смешной жест, с каким Мокнин — Быков надевает свою фуражку, когда он пошла все и вышел из Тени, оставив ее со своим соперником! Этот жестом артист как бы проясняет значительный и глубокий монтаж без слов.

Хороши также артистка К. Соловник (бухгалтерширка) и Т. Нельцер и А. Орлов (родители Лены Ворониной). Старые артисты «Лена и мамка» — тоже достаточно приемлемы и довольно традиционные образы, но исполнители привнесли в них «визуальное», современное, советское содержание.

Зритель рад повзвонению на экране «Укротительницы тигров». В нем очень пока богатырски советских кинокомедий была еще одна интересная и веселая картина.

Леонид ЛЕНЧ

В Грузии наступили теплые дни. Обильно завели фруктовые деревья. На снимке: ученица 11-го класса 2-й средней школы города Зугдиди Нугеша Кутелая у цветущего дерева персика.

Фото П. Луценко

Журнал „Нева“

ЛЕНИНГРАД. (Наш корр.). Подписчики получат первый номер нового журнала «Нева» в апреле, незадолго до 85-летия со дня рождения В. И. Ленина; материалы, связанные с этой датой, занимают в журнале центральное место. Памяти В. И. Ленина посвящены передовая, стихи, статьи, воспоминания.

Прозаический раздел журнала открывается главами романа В. Попова «Заключена сталь». В разделе поэзии — новые стихи Д. Гуля, А. Янина, А. Прокофьева, В. Торполина, М. Дулина.

Журнал публикует статьи и заметки по вопросам международной жизни, коммунистического воспитания, искусства, литературной критики. В номере разделы: «Редакционная почта» и «Сатира и юмор».

Ваш корреспондент обратился к главному редактору «Невы» А. Черненко с просьбой рассказать о том, что будет напечатано в следующих номерах журнала.

В прологе редакции находится несколько крупных произведений, которые мы рассматриваем опубликован в ближайших номерах, — ответил он. — Назову пьесу О. Форш «Камю», новые повести В. Ажаева «Изыгнание Грезина» и В. Саянова «Ученик», произведения молодых авторов: роман В. Соколова «Половое» и поэму Н. Поляковой «Катерина». Е. Катерин пишет для нашего журнала повесть из жизни советских женщин, С. Бабаевский — повесть «Друзья» (на колхозную тему).

Редакция направляет нескольких литераторов в животноводческие районы, в районы освоения целинных земель, на стройки Куйбышевской и Каховской гидроэлектростанций. Повести, рассказы, очерки, созданные на материале этих поездок, будут печататься на страницах «Невы».

Кроме разделов, которые будут начаты в первом номере, мы намерены в дальнейшем вести раздел «По республикам Советов», посвященный жизни наших союзных республик, и раздел обзоров, в котором будут публиковаться обзорные статьи по вопросам литературы, театра, науки и техники, спорта.

Журнал будет иллюстрироваться репродукциями с картин, фотографиями, рисунками, карикатурами.

Научная сессия о русской советской литературе 1954 года

21 и 22 марта Институт мировой литературы имени А. М. Горького Академии наук СССР проводит научную сессию, посвященную русской советской литературе 1954 года.

Будут заслушаны доклады о прозе, драматургии, поэме и лирике.

В обсуждении примут участие писатели, критики и литературоведы.

ПИСЬМО В РЕДАКЦИЮ

Уважаемые товарищи! Позвольте через посредство Вашей газеты принести благодарность всем организациям и лицам, которые почтили меня поздравлениями по случаю моего 60-летия и награждения меня орденом Трудового Красного Знамени.

Всеволод ИВАНОВ

ЛИТЕРАТУРНОЕ ОБОЗРЕНИЕ

«ПЕРЕД РАССВЕТОМ»

О старой русской деревне, о первых проблесках революционного сознания и в народе написано уже немало хороших художественных произведений, по которым современная советская молодежь изучает живую историю своей Родины, узнает, как жили в старину наши отцы и деды. Тема нашего прошлого продолжает привлекать писателей. Авторы таких произведений пытаются по-новому осмыслить тяжкую жизнь старой деревни, показать ее не как примечную тайгу, из которой нет выхода, а в движении от тьмы и бесправия к свету и свободе, показать переход от старого мужицкого терпения и покорности к протесту и борьбе. Одной из таких книг и является повесть Семена Фомина «Перед рассветом» («Детгиз», 1954, 206 стр.).

Семен Дмитриевич Фомин, сам выходя из деревни, испытал все беды и несчастья бедняка-крестьянина и знает, что такое «фунт дыха». По существу, повесть «Перед рассветом» — автобиография, она полна таких деталей крестьянского быта, которые нельзя выдумать, а надо увидеть своими глазами.

Судьба Антона Зорина и его близких типична для бедняцкой семьи, живущей под тяжким гнетом кулака и помещика, под пыткой урядника и пристава, в ценах самодержавного режима. И дед, и отец, и мать Антони — мужики трудолюбивые, честные; они из кожи лезут вои, чтобы как-то «прокормиться» и вывести мальчика «в люди». Но все их усилия пропадают даром.

Сам Антонюя врется к лучшей жизни, хочет учиться, мечтает о работе в городе, о Москве. Знакомство с сельской учительницей, позднее работа на стекольном заводе, связь с рабочими постепенно открывают перед ним завесу будущего, и, пройдя через множество тяжелых жизненных испытаний, он уже семидесятилетним юношей приобретает к революционному движению.

Однако автор не ограничивается описанием истории одной семьи: попутно он показывает и соседней Зоринских — таких же бедняков, был и нравы разоряющегося помещика, богатейшего кулака, мелких лавочников, мрачную жизнь рабочих стекольного завода.

В достоинством книги надо отметить спокойный эпический характер повествования без чрезмерного авторского нажима, без наобильных посылканий и дидактики; автор просто рассказывает о том, что видел, что слышал, что пережил.

Особенно запоминается характерный образ бездомного деревенского пастуха Илнты, ночующего по очереди у каждого владельца коровы, и поистине трагическая смерть его.

В самый разгар деревенской страды пастух простудился и тяжело заболел. Но по дороге его кортежики и почесок у мужиков «попереду» не изменился. И вот каждый день после очередной почески хозяин брал лоджующего пастуха на руки и переносил его к другому. Так он и умер в пути.

Во всей этой истории сначала читателя поражает холодное бездушие мужиков, не пожелавших оставить у себя умирающего пастуха хотя бы на один лишней день, но в то же время для него становится ясным, что дело вовсе не в бездушии, а в страшной заморозанности, нищете и забитости крестьянства старой России.

Недостаток повести — несколько однотонный, без ярких красок, язык автора. Ряд персонажей только намечен, а некоторые отличаются друг от друга лишь по фамилиям.

Тем не менее повесть Семена Фомина — полезный вклад в литературу о старой русской деревне, пробуждающий накануне первой революции, «перед рассветом» новой жизни.

Павел БЛЯХИН

ДВА ПУТИ

В пустыне, на стоянку геологов приобрел большой верблюд, брошенный в пути караванчиками, и без сил повалился на землю. Геолог Женя Зайцев, юный исследователь колодезных вод, стал отпайвать верблюда и втайне от товарищей скапливать ему муку из запасов отряда. Через две недели умирающий верблюд неожиданно ожил и даже поднялся на ноги. Однако проделка Женя Зайцева с отрядной мукой стала известна начальнику отряда. Но Женя сумел блестяще оправдаться: оказывается, он еще до появления верблюда обнаружил, что колодезная вода содержит соли, полезные при костных заболеваниях, и теперь его открытие получило полное подтверждение.

Вскоре на рассвете верблюд покинул геологов, и они видели, как он, гордо подняв голову и медленно переставляя крепкие ноги, уверенно шел по караванной тропе...

Если нам сколько-нибудь удалось передать интонацию рассказа «Неблагодарный пациент», то мы тем самым дали представление и о других вехах, включенных в книгу Г. Калининского «Главная Катя». Это легкая, как бы «застенчивая» грусть по поводу трудности и сложности человеческих отношений, грусть, маскирующаяся под иронию; потайное любовное людская добротой, строгой чистотой души, мужеством, ирой избыточных юных сил.

Под стать автору и его герои: то суровостью, то шуткой, а то, по молодости лет, и показной грубоватостью прикрывают они всякое искреннее движение души. Но это не ведет к сколько-нибудь серьезным конфликтам: в конце концов эти люди отлично понимают друг друга.

В мертвом городе, почти занесенном песками пустыни (рассказ «Человек при деле»), обнаружены живого старца, сорок лет старожаного гробницу «староверного племянника Магомета». Поздно, слишком поздно вернулся к старцу живая жизнь... Но он уже не мог пройти мимо нее, а главное — мимо этих хороших, веселых, внимательных к нему людей. И хранитель гробницы «племянника Магомета» становится старожаном пологой горака, устроенной в полузрушенном караван-сарая.

И здесь, как и в других произведениях интонация, светлая, уютная, протупает и печаль о трудной судьбе человека, и радость, что хоть пол бочка омылась живой водой его застенчивости и фанатиче дуна.

«Главная Катя» — рассказ о любви. Пончвев отряда, скудная и некрасивая Анчка Голубкина втайне любит Женю Зайцева, смелого, веселого, ладного юношу

с мальчишескими, озорными глазами. Женя, видимо, подозревает это и постоянно издевается над Анечей, — сам-то он любит, и тоже втайне, Главную Катю, начальница стекольного отряда, всегда прохаживающая вихрем всех по трудно доступным районам.

Но Главная Катя не любит Женю, то есть любит его, но так, по-товарищески. Общее несчастье несколько облизает Аню с Женей, и в хорошую минуту она говорит ему: «Видишь ли, Женя, есть, очевидно, такой несправедливый закон: человек любит, а его не любит... И ничем этого не объяснишь, и ничем этому не поможешь...».

Да и в этом, едва ли не лучшим, рассказе нет сильных страстей, острых столкновений. И в нем звучит какая-то светлая нота: терпимости, в конце концов «все образуется»...

Литературный прием, литературная манера, как и металь, имеют свою оборотную сторону. Сложно-ироническая интонация, придающая поэтическое звучание таким вещам, как «Неблагодарный пациент», «Человек при деле», «Главная Катя», в рассказе «Текущий счет» обернулась довольно примитивной юмористикой. Здесь уже знакомые по предыдущим рассказам герои, например Женя Зайцев, ведут себя с несовременной им развязностью.

Это не простая случайность, а результат опасного соседства, о котором автор следует постоянно помнить. От «грустной иронии» — молодой одаренный писатель, конечно не «засидится» на этой позиции — есть два пути: один в юмористику, другой — в литературу «больших страстей». В своей первой книге Г. Калининский как бы продемонстрировал эти две возможности: первую — в рассказе «Текущий счет», вторую — в хорошем рассказе «Квадрат А-В», от которого веет уже настоящей, большой жизнью.

Хочется пожелать писателю пойти именно по этому большому пути.

Юрий НАГИБИН

СВЕТЛОЕ ДАРОВАНИЕ

Пролетая ночью над родным селом, где его стужа в окно ждет не дожидается старушка-мать, поэт говорит:

И я хочу убавить скорость, Чтобы над ней, как журавли, Мои пригложные моторы, Не разбудив ее, прошли...

Вот таким человеком и был в жизни Михаил Спиров, чью книгу «Мое богатство» выпустил Воениздат (1954). С любовью и большим уважением он всегда относился к людям. Скромный и тихий на работе, веселый и даже шумный, когда речь заходила о стихах, в кругу друзей, он имел в своем характере черту, присущую настоящим людям, — умение не заслонять собою других. До конца своей жизни он оставался таким же, каким мы его знали с юности. Таким он и сейчас живет в своих стихах, очень человечный, то задумчивый и грустный, то веселый, остроумный:

Серый волк В бору дремучем Стережет гнездо жар-птицы. Он не страшен, Он обучен На спине возить девиц.

С первой книги стихов Михаила Спиорова всех нас было ясно, что он поэт самоубийный, по-своему умеющий видеть жизнь. Любопытно, что творческий путь его был в какой-то мере «обратным». Если в первых юношеских стихах Михаила Спиорова можно встретить и риторические призывы, и дидактические наставления, свойственные скорее людям пожилым, то в последние стихи этого поэта становилось все более и более неподдельной юностью веет от его последнего цикла стихов «Возвешенный сиреневый сад».

Мы уже говорили, Михаил Спиров с большим уважением относился к людям. Возвродившему, с благоговением писал о тех, которые делали Родину богаче, лучше:

Кто землю свою украшает родную — Становится сам украшением земли.

И всегда, о ком бы и о чем бы он ни писал, он стремился воплотить свои мысли в образы не только явные, но почти осязательные. Он умел в лучших своих стихах находить лучшие слова.

Тает день, как рыхлый снег весной. (Вечер в тайге)

А вот торопливо идет девушка с букетом цветов: Как будто в зеленой жаровне Горячие угли несет. (Молдовенякская)

Звезд на небе нет в помине, Свесив мокрые усы, Колокольчик в рюмке синей Поднял капельку росы. (Рождение песни)

М. Спиров не был профессиональным поэтом в полном смысле этого слова. Он не имел возможности все свои силы отдавать поэзии. До последнего дня своей жизни он работал то слесарем на заводе, то военным летчиком в армии, то корреспондентом военных газет. А стихи свои писал или по дороге к новой части, или в былиндаже в перерыве между двумя боями, или ночью за редакторским столом...

Он умел от нас в самом расцвете своих творческих сил, об этом свидетельствуют его последние стихи. Но лучше из того, что он успел написать, имеет все права на внимание широкого круга читателей.

Иван БАУКОВ

ПЕРВАЯ КНИГА ПОЭТА

Государственное издательство Карело-Финской ССР выпустило первую книгу стихов молодого поэта Марата Тарасова — «Подвиг». Книга эта в целом мне понравилась.

Герои книги, люди, которые привлекают особое внимание поэта, — рыбаки и лесорубы, моряки, путешественники, полярыне исследователи. Видно, суровая и прекрасная природа Карелии сособотнала такой направленности его творчества. Тарасов восхищается мужеством палых людей и старается показать их в трудной, собоюленной жизни; он со знанием дела описывает подробности морских плаваний, валки леса и т. д.

Обращается М. Тарасов и к истории, где его тоже интересует, главным образом, человеческое упорство и мужество. Одно из лучших стихотворений книги — «Подвиг» — посвящено русскому мореплавателю И. Вевельскому. Немало издевался над Вевельским тупые чиновники царской России, страны.

Где даже полагать сможешь совершить, Ослушавшись начальства, Не иначе!

Запомним читатель стихотворение, открывающее книгу, — «Памятник В. И. Ленину». Интересны стихи М. Тарасова о Деряжке, рисующие его в пору губернаторства в Петроаводеке.

Однако нельзя не заметить, что многие произведения Марата Тарасова слишком напоминают некоторые стихи К. Симонова. Тут и схожесть темы: мужество моряков, поляриков и т. д., а самое главное — схожесть интонации и поэтических приемов. Вот, скажем, хорошее стихотворение «Служитель маяка» — о человеке, который всю жизнь в одиночестве провел на своем посту, а теперь умирает в горе. Перед самой смертью ему кажется, что он должен подняться на маяк, что он... Почти выбегает из двери. И вот он — у цели.

Ложится рука на гудильник, Дыхание оборвалось, И в сумерках песенно-палых Полночное солнце зажглось. Далее следует «отбив», то есть строка — многоголка, а затем последняя строфа, как бы заключение: Когда его авправду не стало, Не понял никто, Отчего На спинке кровати лежала Рука восточная его. И сразу же вспоминается такой же «отбив» и концовка у Симонова: Когда он был убит, три лавровых листка Среди бумаг нашли в его кармане.

В описании людей подвига Тарасову, мне думается, недостает теплоты и сердечности, — слишком получают они суховатости и односторонности. Особенно заметно это в ряде книги, несаяем подзаголовок «Лирика».

В книге есть прощальные «любимые» стихи, — например, «Мать», — неточные строки («сама... юр к и у д и во тьму»), неуказанные фразы.

Марату Тарасову, поэту с несомненным дарованием, следует стараться писать точнее, постепенно избавляясь от оглядки на других поэтов и, что самое важное, глубже проникать в душевный мир своих героев.

Константин ВАНШЕНКИН

из лучших стихотворений книги — «Подвиг» — посвящено русскому мореплавателю И. Вевельскому. Немало издевался над Вевельским тупые чиновники царской России, страны.

Где даже полагать сможешь совершить, Ослушавшись начальства, Не иначе!

Запомним читатель стих

Нет, Франция этого не забудет!

«ЗАБУДЬТЕ ЭТО! Прекрасный солнечный день 22 июня 1940 года в Компьенском лесу: впереди идет Кейтель, за ним генерал Хитлер и послы Нольд. Они входят в вагон, в котором будет подписан акт о капитуляции Франции...»

ЭТИ дни, перед тем, как Совет республики Франции начнет рассмотрение парижских военных соглашений, реакционные политики проявляют особую активность. Их подгоняют американские и нью-йоркские газеты. Нажим на Францию извне, нажим на членов Совета республики внутри страны... Парижские газеты «Фигаро» и «Орор» в самых мрачных красках рисуют положение, в котором якобы окажется Франция, если она не согласится на возрождение германского вермахта...

чале маршировать вооруженные до зубов солдаты, которые завтра двинутся бы к французским границам, как они сделали это вчера. «Фигаро» и «Орор» не хотят вспоминать об этом вчерашнем дне, роковом для Франции, преданной и отданной на милость своего исконного врага.

Кое-кто во Франции хотел бы, чтобы народ забыл о событиях прошлого. Этого же хотели бы и бонские милитаристы и реваншисты. Им нужно с согласия Франции восстановить вермахт, а там они заговорят другим языком. И вот почему западногерманский реакционный журнал «Мюнхенер иллюстрирте» опубликовал эти фотоснимки. «Забудьте это!» — призывают подписи под картинками недавнего прошлого. О чем призывают забыть Францию? О том, как гитлеровские генералы в этом вагоне (снимок слева), в Компьенском лесу продикували французским представителям унижающий акт о капитуляции? Забыть о том, как гитлеровские солдаты проезжали по прекрасным полям французской столицы (снимок справа), когда каждый оккупант чувствовал себя хозяином Франции? Забыть о том, как героически погнались под пулями немецко-фашистских кара-

«ЗАБУДЬТЕ ЭТО! Немецкая артиллерия вступает в Париж в 1940 году...»

Снимок и текст из западногерманского журнала «Мюнхенер иллюстрирте»

телей (снимок внизу) тысячи и тысячи лучших сынов французского народа пламенных патриотов?

Забыть об этом нельзя, как нельзя забыть о чести и величии, о свободе и независимости Франции, которые не один раз были попорчены германскими милитаристами.

«Давайте же, наконец, забудем!» — восклицает тот самый мюнхенский журнал, который обильно украшает свои страницы фотографиями видных представителей гитлеровской военистики, рвущейся в новые разбойничьи походы. Эта военистика рассчитывает на парижские соглашения, как на оружие в своих преступных планах подготовки новых агрессивных войн в Европе. У Совета республики хотят вырвать согласие на то, чтобы американское оружие было вложено в руки вчерашних палачей Франции. Вот в чем смысл сладких призывов «предать забвению» прошлое!

Оно не забыто. Миллионы сыновей и дочерей Франции в эти дни требуют от Совета республики, от правительства Эдгара Форастюления американских планов пересмотрения Германией. Эти требования раздаются по всей стране — от Нанта до Марселя, от Нанси до Бордо, они звучат под стенами Бурбонского дворца. Французский народ ничего не забыл и ничего не простил. Он никогда не станет союзником милитаристской Германии. Он требует политики, соответствующей интересам Франции, европейской безопасности и всеобщего мира. Такова воля французской нации. И как сказал Морис Торез, «именно народ может и должен сказать последнее слово».

Неумный трюк „Вашингтон пост“

Американские пропагандисты в последнее время сбиваются с ног. На днях предстоит обсуждение вопроса о ратификации парижских соглашений в Совете республики Франции, а настроения французской общественности внушают сильную тревогу в Вашингтоне. Чего только не пытаются изобрести заокеанская пропаганда, чтобы убедить французских сенаторов ратифицировать военные соглашения! Угрозы и посулы, угрозы и убеждения, одну ложь за другой нагромождает реакционная печать США. Увертки американских пропагандистов так сложны и замысловаты, что невозможно вспомнить марксовскую лягушку: лась ей «легонького щелчка сзади, и, глядя, уже лягушка переворачивается в воздухе, как оляда на скоророде».

Примерно так поступает и корреспондент американской газеты «Вашингтон пост» энд Таймс геральд Робертс. Перевертываясь в воздухе, он пытается убедить французов, будто ратификация парижских соглашений не закрывает путь к переговорам с Советским Союзом. Но как это доказать? Старые аргументы, как видно, набил осконюну самим американским пропагандистам. К тому же французская общественность знает позицию Советского Союза в этом вопросе. И Робертс изобретает новый пропагандистский козырь.

Он утверждает, что могут состояться «новые переговоры между Востоком и Западом до того, как первый немец в Западной Германии наденет военную форму». Робертс не случайно начинает статью без упоминания о парижских соглашениях. Дело заключается отнюдь не в том, доказывает ли он, будут ли они ратифицированы: «Москву интересует существо дела — вооруженные немцы, одетые в военную форму, а не просто самый акт ратификации. Американские должностные лица и союзные дипломаты ожидают, что Москва согласится вести переговоры после ратификации, если это не начнется осуществление соглашений».

Итак, по словам Робертса, все обстоит блестяще! Можно и капитал приобрести!

Гитлеровские оккупанты расстреливают французского патриота. Снимок из французской газеты «Юманите»

чей Франции. Вот в чем смысл сладких призывов «предать забвению» прошлое!

ратифицировать парижские соглашения, и невинность союбности — договориться о судьбе Германии с Советским Союзом. Французская общественность может быть спокойна — не самый акт ратификации, а лишь «немцы, одетые в военную форму», могут помешать Советскому Союзу пойти на переговоры с Западом. Следовательно: «Голоситесь спокойно, господа сенаторы Франции, за парижские соглашения, а там время еще есть, посмотрим...»

Робертс с готовностью вторит и некоторые органы французской буржуазной печати. Так, «Юппюль» убеждает французских сенаторов, что переговоры с Советским Союзом вот-вот начнутся. Он даже журит вышедшее французское правительство, что оно до сих пор не подготовило «в дипломатической области благоприятные условия для совещания, которое может состояться на другой день после ратификации».

Пропагандистские увертки «Вашингтон пост» и ее французских подголосков рассчитаны на доверчивых не в меру людей. Американские пропагандисты, рассуждая о переговорах до того, как «первый немец в Западной Германии наденет военную форму», сознательно не упоминают о том, что бонские реваншисты уже давно приготовили не только мундиры, но и оружие. Они сделали все, чтобы солдаты нового вермахта смогли стать под ружье, как только будут ратифицированы парижские соглашения. И об этом знают миллионы людей, решительно возражающих против военных договоров, которые откроют путь дивизиям нового вермахта к границам Франции.

Что касается позиции Советского правительства, то она с предельной ясностью изложена в Заявлении Советского правительства по германскому вопросу от 15 января, где подчеркивается, что переговоры четырех держав «потеряют смысл и станут невозможными, если будут ратифицированы парижские соглашения».

Разве не ясно, что трюки «Вашингтон пост» являются очередным блефом?

С. МАРШАК

ТУРЕЦКАЯ СВАХА

Сваха странствует по Азии, Тут полюбил, а там полюбил. У нее — разнообразие Женихов для всех невест.

Говорит она, усталая, Опустившись на диван: — Нынче браком сочелась я Пентагон и Пакистан.

Но с невестами арабскими Потрудней идут дела. Лишь Ирак цепями рабскими Я опутать и могла.

Ох, мне плечи давит гирей Новый заданный урок: Я должна Ливан и Сирию Затаять в такой же блок.

Я показываю, святая, Им портреты женихов. Генералы есть устаты, Адмиралы, без усов.

Но невесты только мурмुरят, Говорят: — Не ко двору! Что ж, придется мокрой курицей Мне вернуться в Анкару...

Рис. В. Фомичева

Паутина слезки и шпионажа

Скорбный список грубых, бесцеремонных нарушений элементарных прав и свобод граждан США каждодневно пополняется все новыми и новыми фактами. Иногда эти нарушения приобретают настолько скандальный характер, что даже ко всему выходящая американская реакционная пресса вынуждена говорить о них. В этом смысле примечательна опубликованная американским журналом «Ньюсуик» статья о широко распространенной в Соединенных Штатах системе подслушивания телефонных разговоров.

В сегодняшней Америке, пишет «Ньюсуик», система слезки и шпионажа, основанная на подслушивании телефонных разговоров, приобрела поистине всеобъемлющий характер. Буквально никто не может быть уверенным, что его разговоры не подслушаются. В большинстве случаев это узаконено. Законы 30 штатов разрешают представлять в суд в качестве улик записанные телефонные разговоры.

Само собой разумеется, что американская охранка — Федеральное бюро расследований, полиция и всевозможные комиссии конгресса в первую очередь применяют эту систему для борьбы против прогрессивных сил США. Руководители ФБР прямо говорят, что они «не могут обойтись без права подслушивания телефонных разговоров». Глава ФБР Эдгар Гувер хвастливо заявил, что в 1950 году его агенты наблюдали за 170 телефонными линиями. А с тех пор шпионаж в США усилился необычайно!

Что же побудило реакционный журнал «Ньюсуик» обнародовать все эти разоблачающие факты? Ответ прост: боязнь быть подслушанными охватила и сильные миры всего. Дело дошло до того, что чиновники государственного департамента избегают разговоров по телефону, предпочитая беседовать где-нибудь в парке или в ином безопасном, по их мнению, месте. Да что чиновники госдепартамента: как Маккарти, один из наиболее злобных американских «охотников за ведьмами», как огня, боится телефон! Его разговоры также подслушивают, утверждает журнал.

Не следует, однако, думать, что журнал «Ньюсуик» предлагает уничтожить гнусную систему слезки. Нет. Он лишь сетует на ее некоторые «крайности» (следить за Маккарти — это уже чересчур!), как бы призывая тем самым навести «порядок» в системе шпионажа.

Это грязное занятие стало, кстати сказать, выгодным бизнесом. «Ньюсуик» приводит своего рода таксу оплаты агентов, занимающихся подслушиванием. Так, в Лос-Анджелесе им платят 300—400 долларов в день, в Чикаго — от 100 до 150 долларов, в Вашингтоне — 50 долларов в день. «Низкие» ставки в Вашингтоне объясняются большой «конкуренцией» — такого рода шпионажи в американской столице чуть пруд пруди. Как отмечает журнал, «Вашингтон — первый город в США по масштабу подслушивания».

Волей-неволей журнал вынужден признать: «Подслушивание телефонных разговоров является таким нарушением прав личности, о котором не могли и думать отцы-основатели, когда они писали Билль о правах».

Беспорно: с тех давних времен американская «демократия» шагнула далеко вперед по пути ликвидации гражданских прав, по пути превращения США в полицейское государство!

Литература и искусство за рубежом

РЕЦЕНЗИИ
ОТКЛИКИ
ХРОНИКА

Английская писательница

размышляет о войне

28 мая 1953 года на фронте в Корее был убит двадцатилетний английский солдат Джейк Парриш, батальон которого входил в состав так называемых «вооруженных сил ООН». Когда его родные получили извещение о гибели сына, отец, старый Том Парриш, слезо веривший всему, что он читал в прессе, утешал себя: Джейк спал за славное дело. Но мать Джейка — Алиса Парриш, уборица одного из кинотеатров в маленьком городке Ковдингтоне, не дает себя успокоить официальными версиями, преподаваемыми ей прессой. Она хочет узнать истину и добиться справедливости; она хочет понять, во имя чего погиб ее сын, кто виноват в его смерти. В поисках ответа она обращается к священнику, к депутату парламента (лейбористу), за которого она голосовала, но их рассказы, туманные, общие фразы ее не удовлетворяют. Всюду, где она ни появляется, она встает с собой тревогу, заставляя всех, с кем она сталкивается, задуматься о войне и о мире. И в конце концов она сама находит ответ на мучивший ее вопрос: «Мы все виноваты в том, что допустили это преступление, в том числе и я». Если бы люди объединились против войны и сказали ей «нет», эту смерть и много других можно было бы предотвратить... к такому выводу приходит Алиса Парриш.

О том, каким путем она пришла к этому заключению, рассказывает английская писательница Эдит Парджеттер в своей недавно изданной книге: «Солдат у двери». Она сталкивает свою героиню с различными людьми, действие переносится и в деревню, и в кабинет депутата, и на городскую площадь, где «отцы города» устраивают торжественную церемонию в честь полка, к которому принадлежал Джейк Парриш. Но где бы ни происходило дело, читатель ощущает непреходящее присутствие матери погибшего солдата, слышит ее тревожный, недоуменный вопрос: во имя чего погиб мой сын? «Она не хотела действовать поспешно, она хотела сама все понять. Если бы она с самого начала знала, в чем ее долг, — все было бы по-иному».

Большое место в книге занимает встреча Алисы Парриш с депутатом парламента Уильямом Далласом. Автор рисует в его лице далеко не худшего из парламентариев. Изысканно одетый, тщательно следящий за своей внешностью, Даллас, сын состоятельного адвоката, сочувствовал чужому горю, но прочь был поражен о «меленькой братии», но, говоря словами писательницы, «он никак не мог, конечно, выйти из своей среды и почувствовать себя так, как эти люди; он горячо хотел что-нибудь сделать для них, но ему и не приходило в голову поставить на карту свое благополучие, смешаться с ними и предпринять что-нибудь вместе с ними».

Нужно ли удивляться, что в разговоре с Алисой Парриш он прибегает к обычным пропагандистским уловкам и словесным выкрутасам, столь излюбленным теми кругами, которые сами заинтересованы в политике подготовки войны или пытаются ее оправдать. Тут и рассуждения о «западной обороне», и ссылки на мифическую опасность, якобы грозящую «западному миру». С горькой иронией замечает Алиса в ответ на трюки молодых англичан, призывают в армию и посылают на смерть в том возрасте, когда они по английским законам еще не имеют даже права голоса.

Алиса Парриш очень скоро убеждается, что ей ждать совета и помощи от Далласа не приходится. Но, странное дело, даже в его доме она находит единомышленника. Это — молодой Эдмунд, сын депутата. Встреча с Алисой Парриш, ее рассказ о погибшем сыне глубоко запалили ему в душу. Он задумывается о своей судьбе. Вель скоро и его призывают на военную службу. И он хочет с полной ответственностью уяснить себе линию своего поведения в будущем. Он тверд в своем отказе «стать машиной для убийства».

В книге Э. Парджеттер затронуты острые, животрепещущие вопросы, волнующие самые широкие круги английских читателей, — вопросы войны и мира. Нетрудно заметить, что сама писательница глубоко взволнована ими. Не случайно газета «Дейли

Ложная панорама

Суждение о всякой книге приятно выносить после разбора того, о чем и как пишет ее автор. Книга Джона Брауна «Панорама современной литературы в США», вышедшая в конце 1954 года в Париже и удостоенная так называемой «Премии Британики», составляет в этом отношении исключение.

Французский публицист Жан Канапа, проанализировавший «Панораму» современной литературы в США» в последнем номере журнала «Нувель критик», совершенно справедливо исходит в своей оценке этой книги прежде всего из того, о чем не пишет Джон Браун.

И действительно, то, о чем не пишет автор этой «истории» современной американской литературы, определяет и то, что он пишет в своей книге, и то, как он пишет.

Можно ли ожидать от «историка», не упомянувшего в своей «Панораме» ни Говарда Фаста, ни Майкла Голла, ни Александра Сакстона, ни многих и многих других прогрессивных писателей США, сколько-нибудь правильного освещения современной американской литературы и добросовестного разбора ее исторических истоков?

Соображения, по которым Джон Браун «умалчивает», действуют с той же силой, когда он берет «истоковывать». Враг прогрессивной и демократической в литературе сегодняшней Америки, автор «Панорамы» с таких же реакционных позиций разбирает и ее недавнее прошлое. Жан Канапа приводит примеры расправы, учиненной Брауном над Уолтом Уитменом, Марком Твенном, Джейком Лондоном, Теодором Драйвером.

Голос Уолта Уитмена, согласно мистеру Брауну, «не актуален». Марк Твен «легко впадает в пошлость, когда пытается стать философом». Джейк Лондон, создавший первые две книги рассказов о Севере, «почти исчерпал свои писательские возможности». Браун договаривается до того, что усматривает главную заслугу Теодора Драйвера... «в прославлении освободительной силы всех человеческих инстинктов и в особенности сексуальных».

Зачем потребовалось Джону Брауну поглотить грязью и унижать великих писателей-реалистов, обличителей американского империализма? Причина та же, по которой он замалчивает творчество современных прогрессивных писателей. И те и другие повинны в том, что не подходят под предписанный Брауном и его удивными наставниками мерку для американского деятеля культуры. Согласно этой мерке, все, что видит писатель, должно укреплять в нем сознание «избранности и драгоценности американского благополучия и процветания».

«...Книга Джона Брауна, — пишет Жан Канапа, — подлинный памятник литературного макартизма». Памятник, у которого есть предшественники. Жан Канапа напоминает, что в 1943 году, во время оккупации, в Париже была издана «Антология немецкой поэзии» без одобрения стихотворения Гейне, Верста, Брехта, Бехера. Автор предисловия Карл Эптинг, директор Немецкого института в Париже, указывал, что «...некоторые поэты умышленно устранены, хотя французский читатель мог надеяться найти в книге их произведения. Это сделано в силу тех принципов, которые стали ясными в Германии за последние десятилетия и которые позволили установить подлинную немецкую духовную традицию».

Представления о «духовной традиции» народа у фашиста Карла Эптинга и у Джона Брауна полностью совпадают, и это совпадение, разумеется, не случайно.

В ответ на выход фальсифицированной антологии подпольное издательство Сопротивления «Миню» выпустило тогда сборник стихов немецких поэтов, озаглавленный «Изгнанные».

В ответ на выход книги Брауна «Нувель критик» опубликовал рецензию Жана Канапа и большую статью писателя Рено де Жувенеля о Говарде Фасте.

В американской прогрессивной литературе во Франции есть настоящие друзья и защитники. Увеченный лауреат «Премии Британики», фальсификатор Джон Браун привожется к позорному столбу.

«НЕДЕЛЯ КНИГИ» В ИНДОНЕЗИИ

Впервые в Индонезии была проведена «Неделя книги». Одно из крупнейших книгоиздательств страны «Гунунг Агунг» организовало в Джакарте книжную ярмарку, в которой приняли участие пятьдесят издательских фирм. Со всех концов страны — с островов Ява, Суматра, Борнео, Селебес, Бали, Флорес — на ярмарку в Джакарту было прислано около десяти тысяч экспонатов.

Десять тысяч названий — цифра, которой горятся индонезийцы. Это — все, что было издано на индонезийском, яванском, суndaнском, батакском и других языках после провозглашения независимости страны (17 августа 1945 года).

Среди экспонированных книг — произведения русских писателей: «Шинель» и «Тарас Бульба» Гоголя в переводе Хасана Амина, сборник рассказов Пушкина, Тургенева, Толстого, Короленко, Гаршина, Чехова и Горького в переводе Баруса Сирегара, произведения Достоевского в переводе М. Раджаба, пьеса Б. Иванова «Бронепоезд 14-69» в переводе Идруса...

Книжную ярмарку посетило несколько десятков тысяч человек.

На снимке: индонезийские дети знакомятся с экспонатами в отделе детской литературы на книжной ярмарке в Джакарте.

В последние годы в Болгарии осуществлена недавно постановка пьесы Всеволода Вишневского «Оптимистическая трагедия». Спектакль, воскрешающий памятные дни гражданской войны, прошел с большим успехом.

«Зрители города Сталина давно не испытывали такого волнения, такого подъема чувств. Поэтому так долго не стихали бурные овации по окончании последнего действия», — этими словами заключает заметку, рассказывающую о премьере спектакля, болгарская газета «Литературен фронт».

В ознаменование десятилетия годовщины со дня смерти А. Н. Толстого Государственное издательство художественной литературы Чехословакии приступает к изданию избранных произведений А. Н. Толстого в тринадцати томах.

В одном из недавних номеров чилийской газеты «Эль Сигло» посвящена целую страницу творчеству выдающегося болгарского писателя Елины-Пелины. В газете опубликована большая статья, рассказывающая о жизни и творческой деятельности писателя, и напечатан перевод рассказа Елины-Пелины «Косари».

В последнее время значительно оживилась деятельность кинематографа Египта. Киножурнал Каира выпускает теперь до 70 фильмов в год, почти наполовину заполняя программы кинотеатров национальной продукцией. Непрерывно падает спрос на голливудские «бевеики».

«Сын Нила» — так называется один из новых египетских кинофильмов, он рассказывает о судьбе бедняка-феллаха, тщетно пытающегося уйти от нищеты.

Большим успехом пользуются комедии с участием известного комика Джасмина, создавшего галерею образов простых людей.

Главный редактор Б. РЮРИКОВ. Редакционная коллегия: Б. АГАПОВ, А. АНАСТАСЬЕВ, Н. АТАРОВ, Г. ГУЛИА, А. КОРНЕЙЧУК, В. КОРОТКОВ, В. КОСОЛАПОВ (зам. главного редактора), Б. ЛЕОНТЬЕВ, В. ОЗЕРОВ (зам. главного редактора), К. ПАУСТОВСКИЙ, Н. ПОГОДИН, С. СМЕРНОВ.